

Татьяна
УСТИНОВА
Ольга
Степнова

**ВСЕГДА
ГОВОРИ
«ВСЕГДА» - 3**

Книга по рейтинговому телефильму

Всегда говори «всегда»

Татьяна Устинова

Всегда говори «всегда» – 3

«ЭКСМО»

2012

Устинова Т. В.

Всегда говори «всегда» – 3 / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2012 — (Всегда говори «всегда»)

Другая жизнь началась у Ольги Громовой и ее мужа Сергея Барышева. Теперь они живут в Таиланде, где у Сергея огромный строительный заказ – сеть отелей на побережье. Однако не все так радужно в их отношениях. Сергея, как тропический тайфун, захватывает новое чувство. Он и рад бы бороться с собой, но это наваждение сметает все на своем пути – разумные доводы, любовь к Ольге, страх потерять семью. Как часто бывает – Ольга узнает обо всем последней. Но не в ее характере закрыть глаза на измену. Она забирает детей и уходит, чтобы начать все сначала! Но сможет ли она построить свое новое счастье без Сергея?!

© Устинова Т. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	49
-----------------------------------	----

Татьяна Устинова, Ольга Степнова

Всегда говори «всегда» – 3

Таиланд вдруг стал тюрьмой...

Роскошной, ласковой, красивой тюрьмой.

Хотя сначала казался сказкой.

Он замучил жарой, духотой, экзотикой, а главное – вопиющим бездельем.

Безделье и тягучая лень – вот, пожалуй, национальный колорит Таиланда, и Ольга этого хлебнула с лихвой, став его пленницей, заложницей и безмолвной жертвой.

День начинался изматывающей жарой и ею же заканчивался, переходя в душную, вязкую ночь.

В первый месяц Ольге нравилась эта жара. Ей все нравилось после суетной, холодной и высокомерной Москвы – роскошный дом с бассейном, в котором они поселились с Сергеем, безмолвные слуги, непривычно острая тайская еда, экзотические фрукты, обилие свободного времени, нега, в которую неизбежно загоняло безделье, солнце, пальмы, лазурное море...

Потом все это немного приелось, и все чаще вспоминалась Москва – с ее пробками, гололедом, ветром, перепадами температур и бесчисленным количеством дел, которые нужно успеть переделать, но они придают жизни смысл, тонус и яркие перспективы.

В Таиланде жизнь замерла, как змея на солнце.

А главное – Сергея почти никогда не было дома. Он приезжал поздно вечером – очень усталый, но довольный, что строительство отелей идет хорошо, и уезжал рано утром, наспех позавтракав, – слегка отстраненный и уже озабоченный предстоящими встречами, переговорами и посещениями объектов...

Для Барышева Таиланд не стал тюрьмой по одной простой причине – у Сергея здесь было дело, за которое он болел всей душой, и оно занимало все его мысли и время. Сергей не замечал ни жары, ни духоты, и Ольге иногда казалось – он и ее с Петькой не особо-то замечает... Ее это не обижало, она знала, что такое болеть душой за важный проект. Она понимала – пройдет сложный организационный период, все устаканится, встанет на свои рельсы, и Сергей будет прежним – внимательным, заботливым, понимающим.

А пока...

Ольга пыталась занять себя заботой о маленьком Петьке, рисованием, шопингом, домашними хлопотами. Правда, шопинг надоедал быстрее, чем солнце, домашних хлопот не получалось – в доме сновали бесчисленные слуги, которые делали всю работу, а Петьку из рук не выпускала добросовестная тайская нянька.

Оставалось рисование, и Ольга писала акварелью и маслом бесчисленные тайские пейзажи и натюрморты, похожие друг на друга, как туристические буклеты, – пальмы, море, безоблачное голубое небо, экзотические фрукты, живописно разложенные на серебряном блюде...

Утром она вынесла этюдник во двор дома, устроилась под зонтом перед бассейном и твердо решила – хватит слащавых пейзажей и натюрмортов, сегодня нарисую портрет. Эти тайские лица такие загадочные.

Ольга хотела позвать няньку в качестве модели, но... вдруг схватила сангину и быстрыми штрихами начала рисовать по памяти портрет Костика... А потом – Миши и Маши...

На глаза навернулись слезы.

Господи, кто бы знал, как сильно она за эти полгода соскучилась по детям, оставленным в Москве с няней, чтобы не прерывать учебу в спецшколе. Кто бы знал, как рвет душу эта разлука, как ей хочется их обнять, каждому нашептать на ухо какие-нибудь нежные глупости.

Костик, мой медвежонок маленький...

Машунь-лапунь, принцесса, красавица...

Мишка, как же ты вырос, скоро папу перегонишь, богатырь...

Портреты получились схематичными, но точными, с характерными чертами детей, узнаваемыми и родными.

Ольга глянула на часы – Мишка и Маша сейчас собираются в школу с углубленным изучением языка, Костик останется дома с няней – у него вторая смена... Няня займется с ним уроками, а потом отведет в гимназию. А вечером придет Надя и...

...Устроит веселый кавардак с бурными играми, криками, беготней по комнатам и всяческими придумками, от которых няня схватится за сердечные капли и будет бормотать о «сумасшествии» Надьки, о «недопустимой перевозбудимости» Костика...

После детдома Костик долго оттаивал, Ольга над ним тряслась, но Надя, глядя на это, однажды заявила:

– Хватит вести себя с ребенком, как с больным!

И научила Костика делать из стручков акации свистульки. И свистеть в них.

Ольга чуть с ума не сошла потом от этого свиста, но признала, что сын погибшей подруги Зои уже не травмированный ребенок, а нормальный пацан. И перестала с ним сюсюкать...

Ольга схватила мобильный и позвонила Надежде. Сил не было, как хотелось поговорить с ней о детях, о погоде в Москве, о жутких пробках, о своей тайско-райской тюрьме, о том, как она мечтает о жареной картошке и соленых огурцах вместо опостылевших нойны и питахайи и мокром снеге вместо надоевшего палящего солнца.

У подруги жизни, конечно же, был занят телефон. Зная Надьку, Ольга поняла, что ближайшие два часа звонить ей бесполезно...

Она вздохнула, нажала отбой. Хотела позвать тайскую няню, чтобы та ей попозировала, но, передумав, снова схватила телефон.

«Дозвонюсь, во что бы то ни стало, – решила Ольга. – Даже если придется непрерывно звонить два часа...»

Надя набирала Ольгу уже пятнадцать минут, но ее телефон был все занят и занят.

«Нет, ну с кем она так долго болтать может, – с раздражением подумала Надя, – там ведь по-русски никто ни бум-бум, а Ольга по-английски только – «плиз», «сори» и «о'кей»!

Все равно дозвонюсь», – упрямо решила Надя, сбрасывая и вновь повторяя вызов.

За окном хлопьями валил снег, небо затянули тяжелые свинцовые тучи, и настроение было под стать этому хмурому дню – хоть плачь!

Димка-маленький всю ночь протемпературил, а Димка-большой психовал из-за тендера на крупный рекламный заказ и не соображал вообще ничего – что сын болеет, что она извелась одна дома от безделья, от вынужденного заточения в стенах квартиры и... от ревности, будь та неладна.

Тендер тендером, а видела она этих заказчиц в мини, с томными взглядами. Да и агентские дамочки крутятся, крутятся возле Грозовского – как кошки вокруг сметаны, стараясь привлечь его внимание разрезами и декольте. Тьфу...

А тут – кухня, спальня, детская, халат, тапки и... жгучая ревность, которая, как зубная боль, отравляет жизнь, не давая ничем насладиться – ни прогулками с сыном, ни покупками, ни готовкой всяких вкусностей, которые Димка любит, ни обустройством квартиры, ни бездельем, в конце концов... Не так уж часто в ее жизни случались моменты, когда не нужно нестись на работу.

Пожалуй, это первый такой момент и был.

Но отсутствие работы – а домашние дела Надя работой никогда не считала – неожиданно для нее самой обернулось подозрительностью и желанием застукать Димку «с поличным». Надрать бы какой-нибудь фифе шевелюру, а Грозовскому отвесить пощечину и... успо-

коиться. И дальше заниматься ребенком и домом... Никуда он не денется, Димка. Он любит ее и Дим Димыча, любит так, что все эти мини, разрезы и декольте – просто отвлекающе-раздражающие моменты.

Но для профилактики надо бы с этими моментами разобраться.

От таких мыслей Наде иногда становилось стыдно, но они все равно появлялись – по нескольку раз в день. А то и ночью, когда Димка невинно спал рядом, уткнувшись в ее плечо.

Ольгин телефон был занят и занят. Через час должна была прийти няня, и Надя спокойно могла поехать к Костику. Она хотела забрать его на несколько дней к себе, но Дим Димыч заболел, и пришлось ограничиться подарками – вертолетом с радиоуправлением и игрой в авиашоу.

Костик Надины визиты воспринимал с восторгом – с ней можно творить все, что запрещает няня, – играть в звездные войны и съедать три мороженных подряд. И необязательно говорить «тетя», можно просто – Надя, потому что «тети» так весело не кричат и не носятся наперегонки по комнатам...

– Нет, ну с кем она так долго болтает в Таиланде, – вслух возмутилась Надя, снова услышав короткие гудки. – Будто премьер-министр какой-то!

Она положила трубку на подоконник и с тоской посмотрела на снежную пелену за окном.

А Грозовский, наверное, сейчас совещание проводит... И много красивых коленок нацелены на него хищно и вызывающе. И подведенные глаза смотрят на его тонкий профиль и изысканный фас, отыскивая хоть какую-то брешь в Димкиной безусловной любви к жене и сыну, прикидывая, как бы украсть хоть кусочек его души, его тела и ласки...

Телефон так неожиданно и весело запиликал, что Надя, выдернутая из своих невеселых мыслей, вздрогнула.

– Да я ж тебе обзвонилась уже! – взорвался в трубке пронзительный Надькин голос. – С кем ты болтаешь там целый час?! С кем можно в Таиланде болтать? С попугаями?!

– Так я тебя набирала! – Ольга умудрилась вклиниться в тираду подруги и засмеялась – таким родным и знакомым показалось ей Надькино возмущение.

– А я тебя!

Они захохотали вместе, как всегда хохотали из-за какой-нибудь ерунды.

– Ну, как ты там? – спросила Надежда, и Ольге почудилась грусть в ее голосе.

– Жарища жуткая, – вздохнула она и тут же опять засмеялась. – То есть по здешним меркам даже ничего, вроде как прохладно считается... Зима все-таки! Но мы просто плавимся, а местные в свитера кутаются. Полгода уже прошло – а все никак не привыкну...

– То есть ты там совсем замучилась, бедная, – усмехнулась Надя.

– Да нет, почему замучилась... – Ольга посмотрела на свой мольберт, на бассейн, играющий бликами, и села в шезлонг под высокой пальмой. – Совсем не замучилась. Бананы всякие на голову падают, если под пальмой сидеть. Я, кстати, под ней сейчас и сижу...

– Отсыдь, – засмеялась Надя. – А то еще по голове жухнет! Бананом-то! А у нас минус двенадцать... Снегу намело, холодно.

В Надькином голосе теперь отчетливо прозвучала грусть, и Ольга ясно представила, как она стоит у окна и смотрит на серое небо, заснеженную улицу, закутанных прохожих.

– И темнеет рано, – вздохнула Надя. – День коротюсенький, только встанешь, уж и ложиться пора... Скучаю я по тебе, подружка. И что вас занесло на край света? Чего вам в Москве-то не сиделось?!

– Ты ж знаешь, Сережа просто одержим этим проектом...

– Да понимаю я, понимаю. Только от этого-то не легче...

Ольга опять посмотрела на пальму, на лазурную воду бассейна, на портреты детей на мольберте и почувствовала, как ее накрывает волна ностальгии и тоски – по детям, по Надежде,

по работе... По дому, наконец, где каждая вазочка и диванная подушка, каждая шторка и безделушка придуманы и куплены с любовью и напоминают или о сиюминутном порыве, или о продуманной, выношенной дизайнерской идее...

– Наденька! Думаешь, я не скучаю?! Да я тут извелась совсем, на стену скоро полезу... Дел никаких. Дом красивый, большой, но чужой! Рисовать пытаюсь... так, больше от скуки.

Словно в подтверждение ее слов из дома вышел Сонтхи, кажется, так его зовут, с подносом, на котором стоял стакан апельсинового сока и лежали опостылевшие фрукты, названия которых Ольга так и не выучила.

– Ты там ремонт, что ли, не можешь начать? – серьезно спросила Надежда. – Обои свеженькие наклеить или плитку в ванной на свой вкус поменять?!

– Да что ты! – засмеялась Ольга, глядя, как слуга, почтительно кланяясь, ставит поднос на маленький столик перед шезлонгом. – Ничего я не могу! Мне пальцем пошевелить не дают. Тут столько слуг... Я их даже сосчитать не могу, не говоря уже о том, чтобы имена запомнить. Спасибо, – сказала она по-тайски слуге, который пятясь и кланяясь отходил от нее. Ольга даже испугалась, что он упадет в бассейн, но Сонтхи в самый последний момент изменил курс и так же – спиной вперед – зашел в дом, поклонившись в последний раз с особым усердием.

Первое время Ольгу такая почтительность пугала, потом смешила, а сейчас приводила в замешательство, и она все не знала, как – жестами или на плохом английском – объяснить слугам, что не надо ей иступленно кланяться и подобострастно пятиться, словно она может запустить чем-то в спину.

– Видела бы ты меня сейчас, – шепотом сказала Ольга, будто опасаясь, что тайские слуги поймут ее русский. – Чувствую себя шемаханской царицей... С ума сойти можно!

– Я смотрю, ты уже и язык тайский освоила.

– Нет, это я так, два-три слова, и все. А вообще – ни бум-бум! Язык такой, что собственный сломать можно.

– И как же ты там общаешься?

– Как, как! С переводчиками... Ой, Надюшка, умру я тут от безделья.

– Нет уж, пожалуйста, не умирай. Ишь ты! Слуги ее одолели! С жиру ты, подруга, бесишься.

Они опять расхохотались вместе – и этот общий хохот был так же важен для них, как и разговор.

Созванивались они часто – болтали о ерунде и всегда забывали сказать что-то важное, потом перезванивали, но все равно не получалось рассказать все, что хотелось.

Ольга перевела дух и сделала глоток сока...

– Надя, дети как? Ты к ним когда ездила?

– Лучше всех твои дети! Позавчера была, сегодня опять собираюсь.

– Здоровы?! А Костя? Как он там, бедненький?

– Оль, сколько тебе говорить можно, что никакой он не бедненький!

– Ну да, Машка с Мишкой уже большие, а он первоклашка... Справляется?

– Под моим чутким руководством не только справляется, но и пятерки получает. Позавчера математику ему объясняла. Так объясняла, что оба со стула упали, – засмеялась она.

– Спасибо тебе, Надюш! Мало тебе забот, так еще за город к моим мотаешься.

– Оль, это ерунда, мне же приятно с детьми возиться, ты знаешь. Только с тобой нам всем было бы еще приятней. Хоть намекни, когда возвращаешься...

– Ой, не знаю... – вздохнула Ольга, залпом допив сок. – О возвращении пока речи нет. Сережа в это строительство столько вложил! По-моему, все, что у нас есть. Это очень для него важно. Представляешь, огромная сеть отелей по всему побережью.

– Как всегда – горит на работе? – усмехнулась Надежда.

– На этот раз как-то особенно сильно, – с грустью призналась Ольга. – Я его совсем не вижу. С утра до ночи в офисе.

– Мой тоже горит, – буркнула Надя. – Работа у него только на уме, а я все одна дома сижу.

– Как одна?

– Нет, с Дим Димычем, конечно. А Димочка все время в агентстве... Один.

– Господи, да почему же один?! – опять не поняла Ольга. – Куда все делись-то?

– Ну, в смысле, без меня! Ты ж знаешь, как он к этому относится. Запретил мне работать. – Тут в Надьином голосе промелькнула все-таки какая-то гордость, но ее тут же снова сменила грусть, которую Ольга заметила еще в самом начале разговора. – Вот я сижу, и глупости всякие в голову лезут...

– Какие глупости? – рассмеялась Ольга.

– Ну, всякие. Как он там? Ты ж знаешь, какая там обстановка...

– И какая обстановка?

– Нездоровая.

Ольга захохотала, представив, как Надя подходит к зеркалу и, потрянув рыжей гривой, критически рассматривает свою роскошную полную фигуру, не вписывающуюся в банальные модельные параметры.

– Ну, чего ты смеешься? – обиделась Надя. – На Димочку прям все вешаются...

– Да кто вешается-то, Надь... – хохотала Ольга, не в силах остановиться.

– Бабы, конечно, кто еще?

– Ну, Надька, он так тебя любит, что других баб в упор не видит уже давно! Не узнаю я нашего Димку-плейбоя! А ты, вместо того чтобы это оценить, глупости говоришь!

– И вовсе не глупости! И не надо меня успокаивать. Он, может, и не смотрит ни на кого, а они вешаются! – Ольге даже показалось, что Надька топнула ногой. – Стервы, – добавила подруга.

– Ну, не смей ты меня, Надь! Ну, сколько можно?! Смотри! Свихнешься!

– Чего это я свихнусь...

– От ревности, говорю, свихнешься!

– Оль, давай не будем. – Надин голос задрожал, и в нем послышались слезы.

Ольга поняла, что перегнула палку своим смехом и несерьезным отношением к ее тревогам и страданиям.

– Все, все, не буду, прости! – поспешно извинилась она. – Ну, целую тебя. Пока.

– Пока, пока! – весело откликнулась Надя. – Завтра позвоню.

– Только если занято будет, значит, я тебе звоню. Трубку положи и жди, а то опять два часа будем созваниваться, – улыбнулась Ольга.

– Нет, это ты положи и жди!

– Ну, хорошо, я постараюсь. Хотя и не обещаю.

Ольга нажала отбой и еще минуту сидела, ничего не замечая вокруг, словно бы находясь в Москве, в другой жизни, где идет снег, где холодно и короткие дни.

– Мама! – вернул ее в действительность голос сына.

Ольга увидела, что тайка – коренастая и улыбчивая – подводит к ней за руку Петьку. Петька ковылял, ускоряясь при виде матери и рискуя упасть, несмотря на крепкую руку няни.

– Петенька! – бросилась к нему Ольга. – Иди ко мне, мой маленький, иди к маме, иди скорей!

Она подхватила сына на руки, прижалась губами к пухлой щечке и вдруг поняла – Таиланд не тюрьма. Нет, это маленький кусочек ее счастливой жизни, о котором потом она не раз вспомнит с нежностью и теплотой, и даже будет скучать по этой жаре, этим кланяющимся слугам и большому комфортному дому...

* * *

Мечты имели обыкновение сбываться.

Так в ее жизни сложилось.

Она хотела жить в жаркой стране – и живет.

Хотела иметь красный кабриолет – и имеет.

Хотела стать классным переводчиком и работать в крупной компании – и...

Впрочем, это не главное, чего она хотела.

Главная мечта пока не осуществилась. Но Оксана знала – все ее мечты имеют обыкновение сбываться. Потому что иначе не может быть. Потому что она – везунчик. И никто ей это не нагадал и не предсказал – она сама это знает.

Ей всегда везло и должно везти.

Сначала судьба сделала подарок Оксане самым фактом ее появления на свет. Мамочке было пятнадцать лет, и она не сразу сообразила, что время прерывания нежелательной беременности безвозвратно упущено. Родители мамочки попытались исправить ошибку и уже договорились с частным врачом за немалую сумму, но в последний момент узнали, что отец ребенка, которого они планировали привлечь к уголовной ответственности, – сын крупного городского чиновника.

И тогда им пришла идея получше – женить свой скромный бизнес по производству пластиковых стульев на возможностях главы администрации крупного промышленного центра. Чиновник попытался откупиться, но родители малолетней мамочки проявили настойчивость – или свадьба, или тюрьма...

Неожиданно для всех семья получилась счастливой и крепкой – через три года у Оксаны родилась сестра. И это тоже можно было бы назвать везением, если б Оксане не стало казаться, что маленькую Настю все любят сильнее – и родители, и бабушки с дедушками. Сначала она с этим боролась – клеветала на сестру, подставляла ее, а потом решила – и пусть. Пусть Настю любят больше – из этого даже можно извлечь для себя выгоду. Она станет прекрасной Золушкой, недолюбленной, и делающей всю работу по дому, и ждущей своего счастья – ведь вторым большим подарком судьбы была ее внешность...

Оксана с детства знала, что красивее всех, и окружающие подтверждали это сначала возгласами «Ой, какая куколка», а потом и просто молчаливыми восхищенными взглядами.

Красота – это не только пропорции, это в первую очередь магнетизм, и Оксана знала, что вызывает восхищение не только точеной фигуркой, огромными голубыми глазами, темной гривой волос, глянцево-смуглой кожей и врожденной грацией. Что-то в ней есть такое, что не дает оторвать глаз... от чего нельзя отказаться... что тянет, не отпускает и даже топит и убивает – как наркотик, как неизлечимая болезнь.

Она вызывала зависимость, пусть нездоровую, от которой при всем желании невозможно избавиться, и Оксане такая власть над людьми нравилась – она давала возможность добиваться всего, не затрачивая много сил, нервов и времени.

Иняз, например, был покорен одним взглядом на декана факультета, который и разговаривал-то с ней вроде бы на отвлеченные темы – откуда она, о чем мечтает, почему восточные языки, зачем ей карьера переводчика и так далее...

Декан добивался Оксаны все время ее обучения – бросил семью, купил ей квартиру, засыпал подарками, но... Заслужил только пару вечеров с бокалом вина, полуулыбку, скользкий поцелуй в щеку... Она умела ускользать, как луч света. А он, уже тяжело ею больной, не мог ни пригрозить своей властью, ни забыть, ни найти ей замену...

Таких историй было много – Оксана испытывала свою власть над мужчинами, экспериментировала, добиваясь поставленных целей, но сама никогда не влюблялась.

Почему?

В душе стояла маленькая ледяная крепость, и, наверное, она и была основой того наркотического магнетизма, которым обладала Оксана.

Декан тот, к слову сказать, спился, заработал цирроз и умер...

А ледяная крепость помогала ей трезво смотреть на жизнь, делать карьеру и верить в свою исключительность.

Размениваться не хотелось. Ее любовь должна иметь статус президента, доходы олигарха, внешность кинозвезды.

И тогда ее крепость – нет, не рухнет и не растает, – но хотя бы перестанет быть крепостью и гостеприимно распахнет ворота.

Конечно, она мечтала о любви. Но в большей степени как о благополучии и власти над другим человеком, чем о чувстве.

Чувства – это незащитность. А значит, не для нее. Она привыкла подпитываться чужими эмоциями, брать из них жизненную энергию – пить кровь, одним словом, – с тем только отличием от вампиров, что жертвы сами выстраивались к ней в очередь.

Вот только все были мелковаты. Бедноваты и страшноваты. Ни один не тянул на главную мечту ее жизни, но Оксана знала – мечты сбываются, даже несбыточные, потому что она – особенная.

Впрочем, однажды она все-таки вышла замуж. Но вспоминать об этом не хотелось...

Ошиблась. Просчиталась. Думала – очередной подарок судьбы, оказалось – злая ухмылка.

Но ничего, это была страница не из ее жизни. Она ее вырвет, уничтожит и забудет. Впрочем – уже забыла... Уже не помнит. Только иногда удивляется – как ее, такую умную и красивую, угораздило...

Утром она критично осмотрела себя в зеркале – место переводчика и референта генерального директора крупной международной строительной компании «Стройком» оказалось вакантно, – и хотелось выстрелить эффектным своим появлением, убить генерального наповал и с любопытством потом наблюдать, как он будет выковыривать стрелы из своего сердца – с мясом и кровью...

Генеральный там, кстати, говорят, ничего себе. С потенциалом и не урод.

Она устроилась в «Стройком» через кадровое агентство и встречалась пока только с секретарем.

Оксана сняла строгий брючный костюм, переделалась в розовый сарафан с открытой спиной и распустила волосы, собранные в строгую «улитку».

Пусть легкомысленно, зато наповал... Дресс-код при такой жаре многое позволяет.

Туфли она решила сменить на босоножки, выбирала долго – белые, серебристые, розовые... Остановилась на золотых – шпилька сантиметров двенадцать. «Как бы на голову выше генерального не оказаться, – с усмешкой подумала Оксана. – Они, генеральные, все Наполеоны. Мелкие, щуплые, но с гонором великанов».

Олигарх класса «С» – называла она таких генеральных.

Оксана тряхнула гривой волос, посмотрела в последний раз на себя в зеркало и осталась довольна.

Заглянул хозяин – пожилой таец, – спросил, когда Оксана расплатится за квартиру. Она заверила его, что деньги будут буквально завтра, а когда дверь захлопнулась, с раздражением подумала, что, какой бы красоткой она ни была, зарплаты в «Стройкоме» на покупку коттеджа с бассейном все равно не хватит, даже если десять лет голодать и ходить в обносках.

Она выпорхнула из комнаты, закрыла за собой дверь, прошла на стоянку и села в красный кабриолет – подарок самой себе.

Движок заурчал сыто и ровно, как объевшийся кот, которого гладит хозяйка. Оксана надела темные очки в пол-лица – ширма, за которой она прятала глаза и душу, – и втопила педаль газа в пол.

Расступитесь все, едет победительница...

И путеводная звезда, и ангел-хранитель, и дьявол-искуситель, все у нее в кармане, все на службе...

К офису «Стройкома» она подлетела со скоростью метеора и затормозила в полуметре от группы европейцев, почтительно разговаривавших с тайцами по-английски.

Европейцы в испуге отпрыгнули от алого капота, тайцы, в силу природной лени, не сдвинулись с места, но побледнели... Когда Оксана вышла из машины, испуг и бледность у тех и других сменились восторгом и восхищением. Она процокала каблуками мимо, чувствуя на себе пожирающие взгляды.

У Барышева было отличное настроение.

Дела шли даже лучше, чем он рассчитывал.

Подрядчики попались толковые, ни со сроками, ни с качеством работ проблем возникнуть не должно. Огорчало только одно – сомнения зама.

Стрельников мужик толковый, надежный, с таким хоть в разведку, хоть в бой, но очень уж осторожный, он отмерял не семь раз – четырнадцать, и все равно не спешил «отрезать», перепроверял, перестраховывался, назначал экспертизы, делал перерасчеты, собирал совещания и выслушивал мнения разных специалистов.

Сергей и сам не любил скоропалительных решений и действий, но скрупулезность и обстоятельность Петра Петровича его иногда раздражали.

И все же Барышев уважал исключительную добросовестность Стрельникова, поэтому убеждал его всегда исподволь, ласково, уговорами, шутками и собственным авторитетом, с которым, что ни говори, Петр Петрович очень считался.

– Вот посмотри, – Сергей разложил на столе чертежи отелей в ортогональной и перспективной проекциях и экспликацию будущих зданий.

Петр Петрович склонился над ними с тем трепетом и почтительностью, с какими всегда изучал любые документы.

– По-моему, решение очень толковое, – как всегда немного издали и не очень настойчиво начал Барышев, убеждая заместителя в том, что к работе все готово и нет никаких рисков.

Петр Петрович сменил очки на другие, с более сильными диоптриями, и снова склонился над чертежами, которые видел уже, наверное, в сотый раз. Этот этап означал, что первый порог недоверия чертежи прошли. И теперь им предстояло преодолеть еще более вдумчивый и серьезный подход зама.

– Да, похоже, похоже...

Петр Петрович почти бороздил носом по линиям, казалось, еще немного, и он начнет эти линии нюхать и щупать. Над одной из ортогональных проекций Стрельников завис надолго, и Барышев почувствовал нетерпеливое беспокойство.

– Что? Есть сомнения? – Сергей тоже склонился над чертежом и сделал вид, что внимательно его изучает, хотя знал здесь каждый миллиметр, каждую цифру и штрих.

– Не знаю, не знаю... – Стрельниковский палец, короткий и сильный – скорее палец работяги, чем инженера, – уперся в сочленение перекрытий и несущих колонн. – Вот эти опоры меня смущают. Бетон может не выдержать. Не знаю, не знаю... – Он снова склонился над чертежом и забороздил по нему носом, беззвучно шевеля губами.

Этот этап означал, что чертежам грозят перепроверки и экспертизы.

Барышев вздохнул, но его хорошее настроение не испортилось – это же не зам, а золото. С таким хоть отели строй, хоть крепости – века простоят. Только и строиться им предстоит века, потому что расчеты не один десяток лет проверяться будут...

– Ты не знаешь, а я знаю, – похлопал он Стрельникова по плечу и быстро свернул многотрадные чертежи, которые от тесного общения с Петром Петровичем теперь источали аромат его терпкого парфюма. – Расчеты абсолютно правильны! Сам проверял. Так что бери все это хозяйство и – с Богом!

Барышев улыбнулся – иногда следует проявить свою власть генерального, а то воз не сдвинется с места.

– Когда самолет? – спросил он, давая понять, что вопрос решен и перерасчетов не будет. Стрельников, погрузнев, сменил очки на прежние и посмотрел на часы.

– Через два часа.

Вот за что еще любил Сергей Стрельникова, так это за армейскую субординацию. Генерал сказал – солдат сделал. Генеральный решил, зам подчинился...

– Так скоро? – расстроился Барышев. – А я хотел тебя в гости позвать. Ну, ладно, в следующий раз. Прилетишь дней на пять хотя бы, все тебе здесь покажу.

Сергей вдруг почувствовал себя очень неудобно перед Петровичем. Он тут царь-батюшка, решил и постановил, а Стрельникову за свои сомнения перед комиссией Стройнадзора в Москве придется отдуваться.

Поэтому он подмигнул ему и, заговорщицки понизив голос, сказал:

– Да не кисни, не кисни! Смелей! В случае чего вали все на меня.

– Шутить изволите, – невесело улыбнулся Петр Петрович. – Рад, что у босса хорошее настроение. А дней на пять не получится. Кто в лавке-то останется? Ты тут с концами пропал, а «Стройком», между прочим, присмотра требует. А если уж совсем точным быть – хозяйского глаза.

– Мой глаз здесь сейчас нужен, Петь, здесь, – вздохнул Сергей, все еще чувствуя свою вину перед замом. – Сам ведь знаешь, слишком много на карту поставлено.

– Вот именно, – буркнул Стрельников.

– Ну, не бурчи, не бурчи... А ты у меня на что? Твой глаз не хуже моего будет.

Решительно ничего не могло сегодня испортить настроения Барышеву – ни сомнения зама, ни то, что приходится «включать сатрапа»... Он с нежностью посмотрел на фотографию Ольги с детьми, стоявшую на столе.

– Или я не прав? – весело поинтересовался он у Петровича.

– Прав, прав, – вроде бы как оттаял тот. – Ладно. Когда сам-то в Москву собираешься?

– Ох, не знаю, Петя, не знаю... Время покажет. Кстати, о времени, – Барышев взглянул на часы. – А мы с тобой, пожалуй, кофейку глотнуть успеем.

Петр не успел ничего ответить – ожил селектор, заговорив мужским голосом с жутким акцентом:

– Господин Барышев, господин Винай просит помнить вас о встрече с инвестор.

– Тьфу ты, черт, совсем забыл! – чертыхнулся Барышев, но селектор тут же продолжил:

– И еще новый переводчик хотать прийти к вас. Будете принимать?

– Принимать, принимать... – пробормотал Барышев, отключая селектор, и тоном сатрапа и генерального, не терпящим возражений, сказал Стрельникову: – Так, сейчас мы по-быстрому переводчика сбавим и все-таки вдарим по кофейку. Подождут инвесторы...

Дверь в этот момент открылась, и Сергей замер на полуслове...

Он миллион раз потом себя спрашивал, что так поразило его, и миллион раз не находил ответа.

Ведь красивых женщин он видел не раз, а на красивейшей был женат...

– Добрый день. Меня зовут Оксана. Я ваш новый переводчик, – сказала девушка с лазурными глазами и закрыла за собой дверь, словно отрезав путь к бегству. Не себе, а тем, кто сидел в кабинете.

Петр Петрович с удивлением увидел, как Барышев, словно зомби, переложил на столе какие-то папки, не отводя глаз от посетительницы. Она тоже смотрела на него с изумлением – как будто увидела в кабинете генерального совсем не то, что ожидала увидеть.

Девушка, конечно, была симпатичная, но это не повод так неприкрыто, так разрушительно и бесстыдно, не стесняясь посторонних глаз, терять голову, как шеф.

Опора, как говорится, не выдержала.

Собственно, случилось то, чего он и опасался. Расчеты оказались неточными. На какую-то сотую, а может быть, тысячную долю...

Петр Петрович, усмехнувшись, вышел из кабинета. Он почувствовал злость на Барышева.

Нет, злость – сильно сказано – раздражение.

Ладно, отправил его с сырыми чертежами в Москву, так еще и от драной кошки речи лишился...

Видел он Ольгу Михайловну. Эта худосочная фея в подметки ей не годится.

Стрельников сел в машину и закурил, решив во что бы то ни стало дожидаться Барышева, «дерябнуть» с ним кофейку и как бы между прочим упомянуть в разговоре, что переводчица какая-то... недоделанная. Ну, очень уж озабоченная.

Сменить бы ее на нормальную.

А то скажет как строитель строителю – эта балка о двух концах, начнет интриги плести, воду мутить, глазки строить.

Оно нам надо? Все, что запланировано, мы и без нее построим...

Сигарета закончилась, и почти докурилась вторая, когда из дверей офиса наконец вышел Барышев – оживленный, с горящими глазами, немного бледный и на себя не похожий – слишком стремительны и суетливы были его движения, слишком много он улыбался и как-то отрешенно смотрел, словно не видел ничего вокруг, кроме... спутницы.

Оксана шла рядом с ним, ее подол интимно задевал его брюки, а каблуки неприлично громко отстукивали гулкую дробь.

За шефом и переводчицей шла стайка тайцев – говорливая, в черных костюмах.

Стрельников тихо выругался.

Нет, он Барышеву не так все скажет, а на нормальном русском – как прорабы объясняют рабочим, в чем те не правы...

– Сергей! – окликнул он шефа, потому что тот и не думал замечать хоть что-то вокруг себя.

Барышев замер, невидящим взглядом уставившись на Петра Петровича.

– Ну, поехал? – отстраненно улыбнулся он.

– А по кофейку? – раздраженно поинтересовался Стрельников, сканируя взглядом Оксану – проверяя на вшивость, на глупую женскую вшивость. Что, думаешь, все от тебя штабелями падают, семьи бросают и активы предприятий на твое имя переписывают?!

Не выдержав его взгляда, Оксана пошла вперед.

– Ты уж извини, не вышло с кофейком, – Барышев тревожно посмотрел на Оксану, словно боясь, что она исчезнет из вида. – Сам понимаешь, инвесторы, будь они неладны. Ну, давай, прилетишь, позвони. Машину брось на стоянке, я заберу, – последние слова Сергей договаривал уже на ходу, догоняя худосочную переводчицу.

За ним проследовала стайка говорливых инвесторов в черных костюмах – одинаковых, как набор оловянных солдатиков.

Стрельников посмотрел им вслед и нажал на газ.

– Инвесторы у него, – проворчал он. – Шизофрения у тебя, а не инвесторы...

Петька разомлел и заснул у нее на руках, и няня унесла его в детскую, нежно нашептывая что-то на сложной смеси тайского и английского.

Ольга села в шезлонг, отхлебнула сока со льдом и с тоской подумала, что Петька будет спать часа два. Чем заняться? Написать очередной пейзаж – небо, солнце, пальма, дом?..

Она вздохнула, встала и подошла к мольберту... Можно по памяти написать московский дворик, занесенный снегом, или... идея, пришедшая в голову, развеселила ее и воодушевила.

Ольга сменила холст на бумагу, вместо масла взяла акварель и легкими, полупрозрачными мазками набросала фантасмагорию – грезы вперемешку с реальностью, сон с явью, мечту с зыбким желанием... На этой картине были и контуры пальм, и снежные шапки на елях, и тусклое небо с бледным солнечным диском, и буйство южных красок, и приглушенная серость российских улиц, и ослепительный снег, и первобытная зелень...

Она так увлеклась работой, что не заметила, как в дом нагрянули гости.

– Это мой дом. Прошу вас, господа! – услышала она бодрый барышевский бас и, застигнутая врасплох, хотела прошмыгнуть в дом, потому что полупрозрачный шелковый домашний костюм, больше смахивающий на пеньюар, ну никак не подходил для встречи гостей – наверняка важных, солидных и нужных, – других у Сергея здесь быть не могло...

Ольга не успела проскользнуть незамеченной в холл – человек шесть тайцев уже шли по дорожке к дому, впереди шагал Барышев, а рядом с ним...

Ольга невольно залюбовалась темноволосой девушкой в розовом сарафане, которая будто парила над землей, едва касаясь ее высокими золотистыми шпильками. Девушка двигалась с восхитительной грацией, в ней было столько естественной силы, уверенности в себе и ненавязчивой прелести, что Ольга непроизвольно потянулась за кистью – поймать контур этого стремительно легкого тела, – но вспомнила, что не одета, и... не нашла ничего лучше, чем спрятаться за мольберт.

Девушка оживленно объясняла что-то тайцам на их языке, показывая на дом...

Ольга смутилась и тут же разозлилась на себя за это смущение – в конце концов, она дома и не обязана с утра быть в вечернем платье.

Тайцы и девушка скрылись в доме, кажется, не заметив Ольгу, но Сергей, в последний момент обернувшись, увидел – и налетел на нее, возбужденно-радостный, чуть мольберт не снес с акварелью, – обнял, слишком крепко для чужих глаз, и поцеловал в губы, чего тоже не делал при посторонних.

– Оленька! А я гостей привез! – с несвойственным для него восторгом сообщил он, опять поцеловав Ольгу.

– Ты с ума сошел, Сережа! – зашептала она. – Почему не предупредил? Я в таком виде!

– Ну в каком таком? – Барышев отошел на шаг, окинул Ольгу восхищенным взглядом и опять прижал к себе. – Замечательный вид.

– Сережа, Сереж... ну, Сережа! – Ольга попыталась вырваться из его объятий, но он как-то слишком крепко держал ее – будто вцепился и ни за что не хотел отпустить...

Ольге это показалось немного странным – Сергей был сдержан в эмоциях, особенно если эти эмоции могли заметить чужие... «Наверное, какой-то феерический успех на работе», – подумала она, обняла его за шею, прижалась, прошептала:

– Потом, Сережа, потом, – и... наткнулась на взгляд синих миндалевидных глаз – внимательных, нет, любопытных, а скорее – очень удивленных, будто могучий, суровый и властный Барышев имел право заниматься всем, чем угодно, но только не такой ерундой, как обнимать и целовать жену.

Сергей, заметив, что Ольга смотрит через его плечо, обернулся.

И как будто немного смутился. Это тоже было для него необычно – если уж он что-то делал, то так, чтобы никто не сомневался в его уверенности.

Видимо, успех на работе был таким феерическим, что Барышева от озабоченной отрешенности, в которой он пребывал в последнее время, качнуло в другую крайность – восторженную зачарованность всем и вся...

Ольге даже неудобно стало за смущение мужа – она отстранилась и выпрямилась с вызовом, вздернув подбородок и без тени стеснения демонстрируя себя в полупрозрачном шелке. Она своего добилась – девушка стушевалась и начала оправдываться:

– Я прошу прощения, у вас такой большой дом... Я заблудилась!

– Ну что вы! – улыбнулся Сергей, снова настойчиво и словно напоказ обнимая жену. – Ничего страшного. Я сам в этом доме иногда блуждаю. Познакомься, Оль, – Барышев при этих словах чересчур сильно сжал ее плечо – снова словно вцепился, – это мой новый переводчик... То есть, я хотел сказать, новый переводчик нашей фирмы.

Ольга не очень отчетливо услышала его слова – опытным взглядом художника она отметила завораживающую гармонию в не совсем правильных чертах лица переводчицы. Вот бы попробовать нарисовать это лицо, передать его мимолетную изменчивость... Это все равно, что ухватить море – которое меняется каждую секунду, но прекрасно во всех своих проявлениях.

– Оксана, – протянула руку переводчица.

Ольга ее пожала, находясь в объятиях Сергея, который сжал ее плечо еще крепче.

– Оля.

Рука Оксаны оказалась сухой, горячей и сильной – с длинными пальцами и узким запястьем с блестящим на нем золотым браслетом с подвеской-скорпиончиком. Скорпион, качаясь, поблескивал на солнце бриллиантовым глазом.

Интересно, удобно ли будет попросить ее попозировать?..

Надо спросить у Сергея.

– Между прочим, Оксана прекрасно знает город и местные обычаи, – весело сообщил Барышев. – Есть смысл попросить ее побыть твоим гидом. Оксан, вы ведь не откажетесь? Ольга здесь скучает.

– Конечно, не откажусь! Мне здесь тоже не очень весело. – Оксана подошла к мольберту и стала внимательно рассматривать Ольгину картину-фантазию, тайскую сказку с московским колоритом.

– Сереж, ты мне плечо сейчас сломаешь, – шепнула Ольга.

– Извини, – отдернул руку Барышев. – Я очень соскучился. Ведь месяц ничего не видел, не замечал... – Он потерся носом об ее ухо. Поцеловал в шею. Все это было чересчур для сдержанного Барышева. Чересчур, даже учитывая, что дела его идут хорошо.

– Сережа... Потом...

– Это вы рисуете? – спросила Оксана.

– Оля у меня художник! – не без гордости заявил Барышев.

– Слишком сильно сказано, – усмехнулась Ольга. – Занимаюсь, вернее, в Москве занималась рекламой. А это... – Она подошла к мольберту. – Так, для себя.

– А по-моему, вы очень талантливы, – серьезно сказала Оксана. – Очень.

– Вы просто добрая, – рассмеялась Ольга и, спохватившись, что у нее небрежно-легкомысленно-вызывающий вид, двинулась по дорожке к дому. – Я пойду переоденусь. Извините.

У дверей, оглянувшись, она наткнулась на растерянный взгляд Сергея, который смотрел на нее, словно на уплывающий спасательный круг.

– Кто эти люди у нас в гостиной? – спросила Ольга.

– Инвесторы, – ответил он отрешенно.

«Ему надо отдохнуть, – озабоченно подумала она. – Хотя бы день полного безделья».

А Оксану нужно обязательно попросить попозировать. У нее удивительное лицо.

Черт бы побрал эти переговоры и этих инвесторов – они трещали на тайском, как куры в курятнике...

В висках остро стучали молоточки, а сердце бухало как-то странно – словно ударяясь в позвоночник.

Наверное, он перегрелся...

Наверное, это давление...

А еще едва уловимый аромат сандала, исходящий от Оксаны, – одуряющий, несмотря на свою ненавязчивость и неуловимость.

Почему Ольги все еще нет? Неужели можно так долго переодеваться?

Он готов был бежать за ней, его удерживали только рамки приличий – пожилой таец что-то бурно ему объяснял, а Оксана переводила.

Слуга – как две капли воды похожий на инвестора – подошел с соками и шампанским на подносе.

Барышев взял бокал и выпил залпом, так и не поняв, что ему досталось – шампанское или сок.

Хуже всего было то, что он совсем не понимал, о чем так бурно говорит инвестор...

Наверное, он действительно перегрелся. И переутомился. И чокнулся. Нужен хотя бы день полного отдыха.

Барышев старался не глядеть на Оксану, но почему-то видел ее, даже если смотрел в упор на инвестора.

Немного вытянутые к вискам глаза, нос с еле заметной горбинкой, тонкие руки, легкими взмахами помогающие переводу, скорпион, хищно сверкающий бриллиантовым глазом. Сандал...

И сердце, стучащее в позвоночник.

Ольга подошла незаметно, соткалась словно фея из воздуха – в бирюзовом платье до пола, с высокой прической, в сапфировых серьгах, которые он подарил ей на годовщину свадьбы.

Родная. Спасительная. Освежающая, как морской бриз. И отрезвляющая, словно московский холодный ливень.

– Что ты так долго?! – Барышев схватил ее за руку и отвел в сторону.

– А что ты хочешь? – тихо спросила Ольга, ослепительно улыбаясь гостям. – Я же должна была привести себя в порядок! И вообще, ты даешь, Сережа... Разве можно без звонка гостей приводить! А если б я, к примеру, голову мыла...

Последний аргумент был совсем ни к чему, потому что Ольга отлично знала, что Сергей на него ответит: «Ты в любом виде прекрасна!»

– Ну, не сердись, – прошептал он ей, щекоча дыханием ухо. – Все они очень нужные бизнесу люди, свалились на меня неожиданно. Я хотел их в ресторан отвезти, а они в один голос: «Ах, это так интересно! Как живет русский бизнесмен в нашей стране! Ах, мы хотим увидеть ваш дом!» Ну... вот и вышло. Позвонить хотел, да в суматохе забыл.

«Не сказал, – с легкой грустью подумала Ольга. – Не сказал, что я в любом виде прекрасна...»

– А ты у меня и с мокрой головой все равно красавица! – уже не шепотом, а во весь голос произнес Барышев.

– Тихо, Сереж! – дернула его за рукав Ольга. – Зачем об этом всем сообщать?

– Да они ни бум-бум, – рассмеялся Сергей. – И потом, я же правду говорю. – Он скользким поцелуем коснулся ее виска. – Мне кое с кем потолковать надо. А ты давай хозяйничай.

Барышев подошел к Оксане, перекинулся с ней парой слов, и они вместе направились к двум инвесторам, налегавшим на шампанское.

Легко сказать – хозяйничай...

Ольга с натянутой улыбкой огляделась по сторонам и покивала «очень нужным бизнесу людям», перепутав парочку из них со слугами, которые по случаю торжественного приема тоже вырядились в костюмы.

Чтобы занять чем-то руки, она взяла с подноса стакан и стала тянуть через соломинку опостылевший арбузный коктейль, который слуги готовили по несколько раз на дню.

– Хотите с кем-нибудь поговорить? Нужна моя помощь? – раздался за спиной грудной низкий голос Оксаны.

– Да о чем мне с ними говорить? – обернувшись, улыбнулась Ольга. – Об инвестициях?

– Ну, тогда давайте где-нибудь спрячемся! – Оксана так заговорщицки и по-свойски подмигнула, что Ольга весело рассмеялась.

– Неплохая идея! Я, если честно, только об этом и мечтаю. А как же Сережа без вас справится?

– Сергей Леонидович уже перешел на международный язык жестов, – Оксана кивком указала на Барышева, который одной рукой похлопывал инвестора по плечу, а другой подливал ему в бокал невесть откуда взявшейся русской водки.

Инвестор блаженно улыбался и интенсивно кивал на каждое слово Сергея.

Ольга с Оксаной одновременно прыснули, и этот смех мгновенно сблизил их лучше, чем душевные долгие беседы. Не сговариваясь, они направились на террасу.

Оксана достала из крохотной золотистой сумочки сигариллу и закурила.

– Если честно, терпеть не могу такие приемы, – Ольга села в кресло-качалку и стала раскачиваться.

– Не любите гостей?

– Очень люблю. Но только гостей, а не инвесторов.

Они снова рассмеялись – Ольга звонко и весело, откинув голову на спинку кресла, а Оксана грудным глубоким смехом, негромким, но заразительным.

– Чем же вы себя здесь развлекаете? – поинтересовалась она.

– С этим беда! Умираю от безделья. Языка не знаю, знакомых нет... Вожусь с сыном.

– У вас сын? – удивилась Оксана.

– У меня четверо детей. Три мальчика и дочка.

Оксана глубоко затянулась, и столбик пепла на конце сигариллы стремительно вырос.

– Они... все здесь? С вами?

– Только младший, – вздохнула Ольга. – Остальные в Москве. Учатся в школе. Я по ним ужасно скучаю... А у вас есть дети?

Оксана поискала глазами пепельницу, не нашла – и затушила сигариллу о поднос с фруктами, стоящий на столике рядом.

– Нет. Я не замужем, – сказала она и добавила: – Сейчас не замужем.

Ольга хотела сказать ей: «У вас все впереди, вы совсем юная», но почему-то не очень корректно задала вопрос «в лоб»:

– А как вы здесь оказались? Приехали по контракту?

– Это длинная история. Как-нибудь, когда у нас с вами будет время, я ее расскажу.

Вот балда, обругала себя Ольга – повела себя как беспардонная простушка-домохозяйка, совсем тут одичала и расплавилась от жары. Теперь неудобно просить ее позировать, объяснять, что у нее удивительное лицо – не идеальной красавицы, нет, но идеальной... соблазнительницы.

Ольга невольно улыбнулась – да, будь она режиссером, то на роль Клеопатры не нашла бы лучшей актрисы.

Яркой и загадочной, искренней и скрытной одновременно.

Роковой, одним словом.

Ольга так бы и нарисовала ее – в одеяниях египетской царицы со змеями вокруг рук.

И почему Оксана стала переводчицей? Моделью она сделала бы блестящую карьеру, только говорить ей об этом еще более некорректно, чем напрямую спрашивать, как она тут оказалась.

Ольга вздохнула. Вот Надька на ее месте выпалила бы все, что думает, и ни секунды не грузилась бы светским этикетом.

– Хотите, на днях где-нибудь посидим с вами и поболтаем? – спросила Оксана, словно уловив некоторую неловкость Ольги. – Я знаю в городе пару уютных местечек.

– Ой, это будет просто замечательно! – искренне обрадовалась Ольга возможности убить хотя бы пару часов приятной беседой. – А когда?

– Я вам позвоню.

– А, вот вы где! – на террасу ворвался Барышев – огромный, громогласный и возбужденный. – Оля! Нехорошо! Меня уже спрашивают, куда исчезла очаровательная хозяйка.

– Ты стал понимать тайский?! – расхохоталась Ольга.

– Не дословно, но... – Сергей сделал в воздухе замысловатое движение пальцами и посмотрел на Оксану. – Поэтому мне нужна переводчица. А ты немедленно возвращайся к своим обязанностям! – рявкнул он на Ольгу, изображая праведный гнев.

– Слушаюсь, мой господин! – Она вскочила и три раза поклонилась Сергею, сложив на груди руки, как покорная восточная жена.

– То-то! – пробасил Барышев, целуя ей руку.

Оксана засмеялась своим удивительным низким смехом.

– А вы мне и в самом деле нужны, – уже серьезно сказал ей Барышев. – Надо кое-что объяснить насчет нашего строительства в прибрежной зоне этому... Черт, все время забываю, как его зовут... – Сергей озадаченно нахмурился, пытаясь вспомнить замысловатое тайское имя.

– Ничего страшного, сейчас выясним, деликатно и незаметно... – Оксана, улыбнувшись, направилась в дом.

Ольга отметила вдруг для себя, как покорно и заворуженно идет Сергей за Оксаной, как уверенно ведет она его за собой и как они вместе динамично и органично смотрятся...

Совсем одичала и расплавилась от жары, рассердилась на себя Ольга. Так и до Надькиной маниакальной ревности докатиться можно.

Завтра же она начнет учить тайский язык. Интересно, почему ей до сих пор не приходила в голову эта мысль? И учительница у нее уже есть – замечательная, опытная, знающая, занятия с которой будут и приятной безделицей, и с пользой проведенным временем.

Ольга широко улыбнулась и вошла в гостиную с решимостью очаровать всех инвесторов международным языком жестов.

Главное – не перепутать их со слугами...

Она гнала по Сукумвит-роуд и думала, какой удивительный сегодня день.

День маленьких приятных открытий.

На новом месте работы она произвела фурор. Впрочем, ничего другого Оксана и не ожидала.

Открытием же было, что шеф оказался вовсе не «класса С» и не Наполеончик местного разлива. Барышев Сергей Леонидович вполне тянул на ту самую «главную мечту» Оксаны, которая не имела права не осуществиться.

Мощь, сила, благородство и – чего уж там – внешность поразили Оксану. А главное, она нутром поняла, нюхом учуяла: Барышев сегодняшний и Барышев завтрашний – разные люди.

Это человек роста и перспектив. Как раз то, что ей нужно. Он не такой, как все эти зажавшиеся, закостенелые, «мелкопоместные» барчуки, которые и завтра так и останутся «мелкопоместными».

А вот Барышев...

Сегодня глава «Стройкома», завтра – президент страны.

Именно такого подарка судьбы она и ждала.

Именно для этого получала образование и строила карьеру, а не выскочила замуж за первого попавшегося «папика» в семнадцать лет...

Жена у него, конечно, очаровательная, только немножко клуша – простовата, как любая домохозяйка, да и возраст не тот, чтобы составить Оксане конкуренцию.

Четверо детей – вот главный минус. Барышев, даже при полностью снесенной башке, скорее всего, не забудет о бедных брошенных им малютках и будет всю жизнь замаливать перед ними и перед бывшей женой свой грех, но ничего, она и на это согласна – овчинка выделки стоит.

И потом, она же не станет сидеть сложа руки... Не исключено, что дело ограничится поздравительными открытками и минимальными алиментами... Будущему президенту страны такая «история болезни», конечно, может навредить, но ничего, она будет работать над этим вопросом.

Сейчас задача номер один – преодолеть патологическую порядочность Барышева и обернуть ее в свою пользу.

И первый кирпичик в фундамент уже заложен – вон как Сергей Леонидович цеплялся за свою женушку, прилюдно ее нацеловывал, словно вопил: не подходи, мой дом – моя крепость!

Она эту крепость разрушит одним щелчком. А для начала... станет лучшей подругой Ольги.

Оксана даже рассмеялась от удовольствия – таким гениально простым показался ей этот план.

Ольга уже лежала в кровати, а он все не мог развязать галстук.

Пальцы дрожали, словно его мучило жесточайшее похмелье. Хуже всего было то, что Ольга в упор смотрела на его отражение в зеркале, хотя на коленях у нее лежал толстый глянec. Пришлось улыбнуться. Улыбка вышла жалкой и виноватой, поэтому Барышев резко нахмурился и раздраженно рванул узел галстука вверх.

Ольга встала, подошла к нему и быстрыми, неуловимо-нежными прикосновениями избавила его от петли на шее.

– Сереж, ну ты совсем... Сам же себя задушишь! Ну что ты нервничаешь?

– Да не нервничаю. Устал. – Он уткнулся ей носом в плечо. – Как собака устал. – А сам подумал: «Прости... за эти дрожащие руки, за то, что вдруг включились низменные рефлексy».

– Твои инвесторы остались довольны вечером? – Ольга погладила его по спине.

– Надеюсь. А так, шут их разберет, народ тут сложный.

– Я, во всяком случае, делала все, что могла. Улыбалась во весь рот. У меня теперь скулы болят.

Она раздела его как маленького – помогла снять пиджак, расстегнула ремень и рубашку.

Господи, как же ему стыдно за это свое смятение, за кобелиную стойку на запах сандала, за все. Сергей быстро скинул одежду и стремительно нырнул под простыню, будто голое тело могло выдать истинную причину его дурацкого поведения.

Ольга почему-то не легла – села рядом.

– Ты молодец... – сказал он и закрыл глаза, чтобы не видеть ее любящего взгляда.

– Это ты молодец, – засмеялась она и взъерошила ему волосы. – Устроил с бухты-барахты светский прием...

Ольга помолчала, а потом вдруг задумчиво сказала:

– А Оксана эта... она симпатичная.

Сердце дало короткий сбой и... припустило в бешеном ритме. Открыв глаза, Сергей в упор посмотрел на Ольгу.

– Симпатичная? Да, наверное... Я, правда, не очень-то к ней присматривался.

Он бы руку дал отрубить, чтобы это «не очень присматривался» было правдой.

Да в конце концов, что он такого сделал, почему ведет себя как нашкодивший кот?! Барышев схватил Ольгу в объятия и рывком потянул на себя.

– Симпатичная, симпатичная, – засмеялась она. – Милая... и даже очень! – А потом обхватила его руками и прижалась всем телом. – Знаешь, я почти счастлива.

– Почти? Интересно. Почему почти?

– Потому что мне не хватает Машки, Мишки и Костика, и еще – я мучаюсь без работы.

– А почему счастлива?

– А счастлива, потому что тебя люблю... ужасно люблю... Я даже не думала, что могу так любить. Правда, правда...

Барышев почувствовал облегчение. Ну вот, все решилось.

Какой, к черту, скандал, ему все почудилось.

Сергей впился в Ольгины губы сумасшедшим удушающе-агрессивным поцелуем.

Все померещилось...

Просто он так заработался в последнее время, что забывал смотреть на Ольгу, слушать ее, дышать ею.

В нем нет ни йоты пространства для другой женщины. Его мир – это Ольга, его жизнь – Ольга, его космос, бог, ангел-хранитель, его кровь и плоть...

Дим Димыч все утро капризничал, но, как только пришла няня, стал паинькой – и каши поел, и горло дал посмотреть, и на прогулку оделся, не хныкая. Инга Сергеевна ничего особенного не делала, чтобы он ее слушался, но Димыч все ее указания выполнял беспрекословно. Надя иногда с тоской думала – может, ему не хватает бабушки, и поэтому пожилая няня стала для него непререкаемым авторитетом?

– А теперь другую ножку давай. Вот так... – слышался из коридора голос Инги Сергеевны. – А теперь шапочку... Вот какая у нас шапочка красивая. Тепло Димочке будет!

Надя вздохнула – она тоже говорила не раз Димке-маленькому, что шапочка у него неземной красоты, но на попытки надеть ее сын отвечал диким ревом и воплем «саска похая не хошу!», что означало – «не хочу надевать плохую шапку».

Шапок было куплено великое множество – и ушанки, и «шлемы» с ушками, и даже буденовки, но все они были «похие». Надя так часто повторяла: «Дима, одевайся», что в конце концов сын на вопрос: «Как тебя зовут?» стал всем отвечать: «Димаодевайся». Грозовский решил, что с этим безобразием надо заканчивать, и привел Ингу Сергеевну – высокопрофессиональную няню, у которой были рекомендации чуть ли не на уровне депутатов Госдумы.

– А теперь шарфик повяжем, и все, – пропел ласковый голос няни.

Решив воспользоваться покладистостью Дим Димыча, Надя вышла в коридор.

– Может, еще косыночку сверху? Мороз.

– А у нас под шапочкой косыночка. А сверху это уже лишнее будет, Надежда Ивановна. Вы мне поверьте. Впрочем, если настаиваете, могу и косыночку, и платочек, и шапку-ушанку... Пусть ребенок сварится. – Инга Сергеевна достала из шкафа пуховый платок и стала повязывать его Димке поверх шапки.

При всей своей незаменимости и суперпрофессионализме няня порой бывала просто несносна.

– Да нет, нет, – забрала Надя платок. – Это я так просто...

– Вот именно, что так просто, – назидательно проворчала Инга Сергеевна. – А с ребенком просто нельзя. С ребенком все как раз очень сложно!

«Черт меня дернул ввязаться в ее тонкий воспитательный процесс, – с горечью подумала Надя. – Дожила... Няня в доме командует. Скоро разрешения буду спрашивать к сыну подойти».

– Конечно, конечно, – пробормотала она, целуя Димку-маленького в пухлую щеку. – Идите гулять. Давайте я вам дверь открою.

Она распахнула дверь, и няня вышла с гордо поднятой головой, ведя за руку Дим Димыча, который ковылял рядом в толстом комбинезоне, переваливаясь, как пингвиненок.

Надя уже закрывала дверь, когда няня резко обернулась.

– Кутать ребенка – это же дикость просто! – громко заявила она.

Надя хотела ответить, что дикость – читать ей нотации за ее же деньги, но вдруг подумала – пусть. Пусть читает. Пусть хоть плешь проест, лишь бы Димке хорошо было. Все-таки ему так не хватает бабушки – доброй и любящей, ничего, что немного ворчливой.

Надя подошла к окну и загадала: если Димка-маленький помашет ручкой – значит, Димка-большой ей не изменяет. А если нет...

Димка махал всегда, но вариант «если» существовал все равно – забудет, или няня уведет его не в ту сторону, и он просто не увидит окна.

Нет, вот они. Инга Сергеевна усаживает его в санки, сын оборачивается, но... голову не поднимает, смотрит на пробегающую мимо собаку. Поехали. Все. Забыл. Зачем загадывать такие глупости?!

Надя отвернулась от окна и не увидела, как Дим Димыч ей помахал. Она подумала – если не взять себя в руки, если не занять свою голову чем-нибудь немедленно – она чокнется. От безделья, от ревности, от невозможности включиться в работу со всеми своими талантами и кипучей энергией.

Надя прошла по квартире, внимательно рассматривая мебель, картины и безделушки на полках. Пожалуй, она займется дизайном гостиной – сколько можно жить в холостяцком минимализме Грозовского. Скучные «римские» шторы она сменит на роскошные яркие портьеры, вместо точечных светильников повесит большую люстру с подвесками, цепочками и десятками маленьких лампочек, на крашенные кремовые стены наклеит обои – тоже яркие, в цветочек, под стать портьерам, чтобы жить веселее было. И мебель обязательно поменяет. Если честно, Надя ненавидела эти два белых кожаных кресла и огромный диван. Они, словно зуд от укуса комара, постоянно напоминали о том, что у Грозовского до нее на этих креслах-диванах протекала бурная личная жизнь.

Она купит нормальную мебель – из мягкого уютного флока, чтобы не прилипать голыми частями тела к холодной противной коже, к которой много кто до нее прилипал...

На диване небрежно валялась рубашка Грозовского.

– Вот, опять где разденется, там и бросает, – вслух проворчала Надя, схватила рубашку и... зачем-то понюхала.

Вернее, она знала, конечно, зачем понюхала, и, как бы ни оправдывалась перед собой, что хотела определить, отправить рубашку в стирку или нет, на самом деле – «вынюхивала» признаки неверности мужа.

Рубашка пахла чужими духами. Для этого даже принюхиваться не стоило – так сильно, так явно она пахла. Пожалуй, ее и в руки необязательно было брать, чтобы учуять Димкину неверность.

Надя, зажав улику в руке, почти пробежала в спальню, к своему трюмо и, открывая многочисленные флакончики, стала сравнивать ароматы с тем, что исходил от рубашки, но – конечно же – ничего похожего...

Она любила терпкие, сладкие, а этот – холодный, с горчинкой.

Слезы хлынули из глаз на рубашку.

Ну вот, все и выяснилось – тупо, примитивно и пошло, как в бульварном романе. Она погрязла в быту, стала неинтересна, и Димка, ее Димка Грозовский, который всегда имел репутацию мачо, плейбоя и писаного красавчика, отрывается на стороне с дерзкими, стильными, длинноногими, свободными девками.

Куда ей, расплывшейся после родов, с непослушной рыжей копной волос, которые не укладывают и не распрямляют никакие средства, куда ей – в тридцать-то с лишним лет...

Надя впилась глазами в свое отражение. Ну, конечно, плюс пять лишних килограммов к прежним десяти лишним, яркие веснушки, которые ничем не выводятся, и морщины... Вокруг глаз, у губ, а если поревеет еще часик, то и на лбу складки залягут.

Надя вытерла слезы и затолкала рубашку в пакет. Ничего, она просто так не сдастся. Не на ту напали.

Через десять минут Надя с уликой в пакете мчалась на своем «Жуке» в «Солнечный ветер».

Грозовский только собрался позвонить Наде, как она влетела в кабинет – разъяренная, в распахнутой настежь куртке...

– Это что?! – сунула она Диме рубашку под нос.

– Рубашка, – пощупал он ткань. – А что тебя так взволновало, матушка?

– Ты понюхай, понюхай рубашку-то!

Не выражая никаких признаков беспокойства, Грозовский послушно понюхал.

– И что? – ледяным тоном поинтересовался он.

– А то, что духами пахнет! Не моими! Не придуривайся! – Надя размахнулась и швырнула трофеем в Диму. Сорочка повисла на Грозовском, закрыв лицо.

Грозовский под ней тяжело вздохнул и достал из стола шикарный флакон с туалетной водой.

– Понюхай. Этим пахнет?

Надя понюхала.

– Этим. Эта стерва, что, тут у тебя поселилась?! – она задохнулась от гнева и огляделась, словно надеялась застукать пассию мужа на месте преступления, но никакого криминала, кроме пепельницы, переполненной окурками, не обнаружила.

– Послушай, – Дима медленно стянул рубашку с лица, – у меня рекламное агентство, а не ветеринарная клиника. А в рекламном агентстве, да будет тебе известно, на каждом шагу встречаются рекламные образцы. Так вот, это, – он угрожающе ткнул пальцем во флакон, – рекламный образец. Мы его, – Грозовский вскочил и проорал во всю силу легких, – рекламируем! Тут все этим воняют! Даже уборщицы!

– Димочка, Димочка, – попятилась к двери Надя. – Димочка, успокойся. Я все поняла...

– Поняла?! – рявкнул Грозовский.

– Да, да, да, рекламным образцом пропахли даже уборщицы...

– Ну и хорошо, – Дима бухнулся в кресло и вытер покрасневшее лицо рубашкой. – Нервная ты стала, матушка, сил нет. Нужно тебя на курорт отправить.

– Я постираю, Димочка, – Надя выхватила у него сорочку и сунула в пакет. – А на курорт я без тебя не поеду.

– Поедешь! – шибанул он кулаком по столу.

– Поеду, поеду, – пропела она и выскользнула из кабинета с видом нашкодившей кошки.

Грозовский едва успел спрятать образец в стол, как Надькина вихрастая голова опять просунулась в дверь.

– Но только с тобой! – грозно выкрикнула она и скрылась.

– Ну вот что ты будешь с ней делать! – засмеялся Дима. – Ужас, сколько счастья в семейной жизни.

Он закурил и подумал – надо бы и правда Надьке путевку купить, а может, и себе тоже. Работа подождет, а семейное счастье – нет. Его еще укреплять и укреплять...

Поспешно ретируясь из кабинета Грозовского, Надя заметила, как от двери быстро отошли две девицы и деловой походкой двинулись на ресепшн. Подслушивали, поняла она.

– Наша Отелло настроена решительно, – донесся до нее заговорщицкий шепот.

– Да уж, бедный Дездемон! Ужас! Сцена у фонтана! – рассмеялась Ася, обязанностью которой было улыбаться посетителям за стойкой ресепшн.

Девчонки сгруппировались у стойки, оживленно перешептываясь.

Надя решительно направилась к ним – сейчас вам будет сцена у фонтана... Совесть надо иметь – следить, подслушивать и кости мыть жене шефа.

– Привет! – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, поздоровалась она.

– Ой, Надюх! Как ты хорошо выглядишь! – воскликнула Ася.

– Похорошела! Помолодела! – поддакнула Катя.

– А похудела-то как! – сделала контрольный выстрел Настя.

Ладно, оттаяла Надя, в конце концов, если б я на их месте была, то тоже бы такой концерт ни за что не пропустила! Шеф и ревнивая стерва-жена, шоу-биз отдыхает...

– Спасибо, девчонки, – улыбнулась она, пряча пакет с рубашкой за спину. – Ну, как тут у вас дела?

– Ничего, слава богу, у тебя как?.. – Ася потерела гелевыми ногтями шелковый платок на Надиной шее. – Процветаете?

– У меня все отлично.

– Сын растет? – спросила Настя, просканировав Надину располневшую фигуру, ненакрашенное лицо и остановив взгляд на новых бриллиантовых сережках, подаренных Димой неделю назад в ответ на ее заявление, что «он ее в упор не видит».

– Растет, – вздохнула Надя, тряхнув головой, чтобы закрыть вызывающе крупные бриллианты гривой волос. – Большущий вымахал.

– На кого похож?

– На рекламу детского питания. Мордатый. Щеки со спины видать.

– Разговаривает? – спросила Катя.

– Вовсю, – Надя рассмеялась, вспомнив «разговоры» Дим Димыча. – Смешно так... Ой, цитоцек! Мозно мамухать? Это вместо понюхать...

Девчонки дружно расхохотались, а Надя с тоской подумала – как же она соскучилась по работе! По своему кабинету, по вечным проблемам и болтовне на ресепшн.

– Все слова у него перевернутые. У нас сундук стоит старинный, так он его кудюга называет... А вчера вообще умора... – Надя замолчала на полуслове, заметив, как почти двухметровая девица в мини, на шпильках, с макияжем кинозвезды, получающей Оскара, заглядывает во все кабинеты и что-то записывает в блокнот.

Девица шаталась по агентству, как у себя дома, походкой, которой завоевывают подиумы. Она была стопроцентно во вкусе Грозовского – длиннющая, худющая и беспардонная.

– Это кто еще такая? – сглотнув, спросила Надя, чувствуя, как пересохло в горле от нового приступа ревности.

– Это? Наш новый офис-менеджер, – ответила Ася.

– Вместо тебя взяли, – уточнила Катя не без легкого злорадства.

– А ты не знала? – похлопала нарощенными ресницами Настя.

Девушка, заметив Надю, остановилась и что-то спросила у проходившей мимо бухгалтерши. Та, очевидно, дав ей исчерпывающую информацию, пошла дальше, а офис-менеджер уставилась на Надю с нескрываемым удивлением.

«У такого красавца такая жена?» – отчетливо прочитала Надя в ее округлившись глазах.

Она ринулась в кабинет Грозовского. Пинком открыла дверь.

Дима по ее виду понял, что лучше молчать. По крайней мере, первые десять секунд.

Надя схватила переполненную окурками пепельницу и сунула ему под нос.

– Это что, я спрашиваю?!

– Пепельница, – покорно ответил Грозовский.

– Почему полная?

– Курю много.

– А офис-менеджер тебе на хрена?! Завхоз то бишь! Для красоты по офису шляется?!

Почему пепельницы не моет?!

За спиной дышали – подслушивали девчонки, еле сдерживая раздирающий их смех.

Грозовский вздохнул, встал и, сграбастав Надю в объятия, всерьез и надолго принялся ее целовать.

При этом он показал фигу девчонкам, которые поспешно закрыли дверь.

На базаре было всегда так – сначала Ольга испытывала эйфорию от бесконечных рядов ярких экзотических фруктов, но потом, отдавая водителю очередную покупку с экзотическим названием, думала: «Господи, ну куда мне все это, все равно не съедим...»

Вот и сейчас, передавая Саше несколько свежих мангостинов, она поняла, что больше всего на свете хочет соленый огурец – хрустящий, с пупырышками, чтобы из холодильника, и обязательно из банки рукой...

Ольга остановилась и огляделась. Здесь такой точно не найти. Хотя, казалось бы, нет только птичьего молока.

– Чем-то помочь, Ольга Михайловна? – спросил Саша.

– Саш, а где тут можно купить...

– Здравствуйте! – перебил ее грудной низкий голос.

– Здравствуйте, здравствуйте! – оборачиваясь, Ольга уже знала, кого увидит.

Оксана стояла перед ней в молочного цвета брючном костюме, открытых сандалиях без каблучков и держала в руках какой-то пакет.

Странно было видеть ее без шпилек, без макияжа и с пакетом вместо крохотной сумочки.

«Все равно очень красивая», – невольно подумала Ольга.

– Хозяйничаете? – кивнула Оксана на большую корзину в руках водителя.

– Да. Вот, на базар вырвалась... Все-таки какое-то развлечение.

– Не самое лучшее, наверное, – грустно усмехнулась Оксана.

– Ну, почему, интересно, – Ольга хотела рассказать о своем желании найти соленые огурцы, но передумала. – Диковин полно всяких разных. А главное – жутко красиво.

– Да, с этим здесь полный порядок. И с красотой, и с жутью.

Какая-то она была сегодня другая – эта переводчица. Не такая блистательная. Усталая. И немного желчная. Это не шло ей, лишало очарования и загадочности – ее главного козыря и оружия.

– А ведь я ждала вашего звонка! – только чтобы поддержать разговор, сказала Ольга.

Идея просить уроки тайского сейчас показалась ей неудачной – ну чего ради заставлять человека работать в свободное время? Вон какой у нее измученный вид.

– Вы не поверите, но я именно сегодня собиралась позвонить! – Оксана натянуто улыбнулась и оглянулась – будто хотела сбежать.

– Поверю, поверю, хотя вы наверняка обманываете! – Ольга опять чуть не рассказала про свой бзик на соленые огурцы, но удержалась – Оксана явно была не расположена к беседе.

– Ладно, ваша взяла. – Переводчица виновато склонила голову. – Замоталась. Но звонить собиралась. Это правда. Не сегодня, но вообще...

– Как-нибудь, когда-нибудь, – закончила за нее Ольга. – Понятно.

– Какая вы! Просто Эркюль Пуаро. От вас ничего не скроешь.

– А вам есть что скрывать?

– Сейчас подумаю... Нет! Я рассказала все, что знала, господин следователь!

Они рассмеялись вместе, как тогда, в гостиной, потому что в этом словесном пинг-понге было что-то свое, родное, московское. Саша тоже заулыбался, обнажив обаятельную щербинку на верхних зубах. Они пошли к выходу с рынка, с трудом пробираясь сквозь толчею. Саша прокладывал путь, и минут через пять им удалось добраться до парковки.

– О нашем уговоре не забыли? – рискнула напомнить Ольга. – Поболтать в кафе.

– Конечно, помню. Давайте завтра. – Оксана задумалась. – Завтра у меня почти свободный день. Буду занята недолго, так что мы с вами можем посидеть в уютном местечке, как договаривались. Посидим и поболтаем. Я ведь и в самом деле собиралась вам звонить сегодня. Погодите-ка... – Оксана открыла шикарный красный кабриолет «Мерседес», бросила на сиденье пакет и достала из бардачка пухлый ежедневник. – Вот, смотрите, что тут написано?

– Ольга Барышева. Позвонить, – вслух прочитала Ольга крупную запись на последней странице.

– А число какое?

– Сегодняшнее. – Ольга расхохоталась. – Ну вы и хитрюга!

– Со мной опасно иметь дело! – подмигнула Оксана. – Я страшно коварная! Значит, договорились? Завтра в двенадцать?

– Договорились. Какая шикарная... – Ольга кивнула на алый кабриолет.

– Неплохая, – пожала плечами Оксана. – Хотя... думаю сменить ее. Надо же время от времени что-то менять в своей жизни. Ну, счастливо! – Она газанула и помахала рукой, сверкнув скорпионом. – До завтра.

Кабриолет умчался, оставив ощущение нереальности.

Странная она какая-то... Такая дорогая машина у переводчицы... И зачем было показывать ежедневник, если уже призналась, что звонить не собиралась?

Ладно, в любом случае убить завтра пару часов не помешает. А может, даже удастся уговорить ее попозировать.

Откуда-то налетели чумазные оборванные дети, стали дергать Ольгу за юбку и кричать:

– Бат! Мани!!!

Ольга полезла в сумку за кошельком, но Саша, проживший в Таиланде не один год и знающий тонкости обращения с местными попрошайками, сделав зверское лицо, закричал:

– Вон! Прочь!

И еще что-то грозное на тайском.

Дети бросились врассыпную.

– Ольга Михайловна, они же вас на кусочки порвут, если что-то дадите, – покачал головой водитель, укладывая пакеты в багажник.

– Саш, вы не знаете, где купить соленые огурцы? Хорошие. Чтоб с пупырышками и холодненькие.

Саша с удивлением посмотрел на нее.

– В Москве, – вздохнул он. – Причем лучше самому посолить, но только в Москве.

Народная примета такая – как не накрашишься, так обязательно встретишь всех знакомых.

А главное, будто назло, очки темные дома забыла.

Можно было, конечно, не окликать барышевскую жену, прошмыгнуть незаметно, но Оксану увидел шофер, который наверняка удивится, что переводчица шефа не поздоровалась с его женой.

В результате получился дурацкий разговор. И хоть он приближал ее к намеченной цели – душевной дружбе с женой Барышева, – сомнения, а стоит ли овчинка выделки, оставались. Четверо детей – слишком тяжелое ярмо, даже если на кону место первой леди...

...Фешенебельные районы сменились убогими постройками. Оксана привычно лавировала по узким улочкам на своем кабриолете и раздраженно думала – да будь оно все неладно... Время идет, молодость и красота утекают по каплям, а она все еще ютится в дешевой съемной лачуге, получает копейки, мучается ночами от липкой жары и москитов и ждет, ждет, ждет – когда выпадет козырная карта. Вроде бы дождалась, да только у короля такой выводок, что он уже и козырным не кажется.

Оксана резко затормозила возле двухэтажного старого дома, «хижины дяди Вани». Дядя Ваня – Бончай, тут же выскочил Оксане навстречу, жадно ощупывая глазами ее пакет с покупками, золотой браслет и, как всегда, конечно же, машину, и затараторил:

– Уже неделю бесплатно живешь, мне это не нужно, нет денег, съезжай с квартиры...

– Да пошел ты! – по-русски закричала Оксана. – Кого ты еще в свою помойку поселишь?!

– Нет денег, съезжай, – бормотал Бончай, преследуя ее по пятам.

Оксана выхватила кошелек из пакета и высыпала все деньги в ковшиком сложенные ладони хозяина.

– Остальное на той неделе отдам, – зло сказала она. – Мне аванс пока на новой работе не выдали.

Бончай недоверчиво покачал головой: «На такой машине, и денег нет», – читалось в его глазах.

Оксана, как смогла, хлопнула хлипкой дверью перед его носом. От этого удара, кажется, дом чуть не рухнул.

Она включила вентилятор и стала доставать из пакета продукты – фрукты, йогурт, колбасу, сыр, всего по чуть-чуть, потому что все это, кроме фруктов, придется съесть до вечера – холодильника в этой халупе не было.

На глаза навернулись слезы.

Ну почему она не выскочила замуж за того жирного директора лесопромышленного комплекса, он ведь вены из-за нее резал...

Или за депутата Госдумы, который отдыхал здесь месяц назад и пользовался ее услугами переводчицы! Правда, он вены не резал, только плакал, когда она ему отказала.

Или за... Сомбуна, владельца сети магазинов электроники. По крайней мере, у нее был бы сейчас холодильник.

Есть не хотелось, но Оксана через силу стала жевать колбасу.

Чтобы не пропала.

Депрессии были постоянными спутниками ее жизни.

Они накрывали Оксану внезапно, на пустом месте, безо всяких на то причин. Жизнь, еще вчера представлявшаяся прекрасной, вдруг приобретала исключительно черные краски. Казалось, ничего впереди нет. Она все придумала – свою красоту, молодость, перспективы...

Впереди только бедность, старость и серая безысходность.

В такие моменты ей хотелось не плакать, не сводить счеты с жизнью, нет – ей хотелось, чтобы всем было так же плохо, как и ей. Особенно тем, у кого все есть. Тем, кто всего добился. Сделать для этого она ничего не могла, и от бессилия ей становилось еще хуже.

Доев колбасу, Оксана взяла мобильник и позвонила Ленке в Москву. Подруга давно стала ее единственным доверенным лицом, потому что...

Потому что была бедная, некрасивая и смотрела Оксане в рот.

Не успел отзвучать первый гудок, как Ленка схватила трубку.

– Алё!

– Это я, подруга. Как там Москва? Стоит еще?!

– Куда она денется, – у Ленки что-то шкворчало, наверное, жарила картошку. – А ты чего такая мрачная? Как у тебя дела?

– Лен, ну что ты все время одно и то же спрашиваешь... Хреновые у меня дела! Напиши себе это где-нибудь на стенке.

– В прошлый раз ты другое говорила... Что случилось-то?

– Что, что... денег нет, долгов куча, и машину еще купила.

– Ну вот! – восхитилась Ленка. – А говоришь – денег нет!

– Так в кредит... Всю зарплату сжирает.

– Ну... – растерялась Ленка. – А поскромнее нельзя быть?

– Нельзя. Надо выглядеть и соответствовать.

– Ага, значит, работу ты все-таки нашла! – сделала вывод не отличавшаяся сообразительностью подруга. – Хорошую?!

– Нормальную. Не ахти, но... – Оксана закурила сигариллу, последнюю в пачке, на новую уже не было денег. – Господи, Ленка! Выбираться мне надо из этой поганой страны... Только не знаю как!

– Ну вот, – Ленка явно расстроилась. – У тебя ж такие планы были... – Шкворчание прекратилось – наверное, она сняла сковородку с плиты. – Ты что все-таки делать-то собираешься? – с набитым ртом, жуя, поинтересовалась подруга.

– Я ж говорю – выбираться отсюда. Любыми путями. Достало все!

– И... у тебя есть варианты?

– Варианты всегда найдутся... – Оксана опять вспомнила Барышева.

Вариант?

В Москве у него наверняка не одна квартира, загородный дом, пара-тройка машин, прислуга, активы, счета... Вот только выводок неприлично большой.

– Ты ж меня знаешь, – усмехнулась она, – я сдаваться не привыкла. Ладно, Ленк, у меня деньги на мобильном кончаются, пока.

– Звони еще, не забывай! – закричала Ленка и, подавившись своей картошкой, закашлялась.

– Позвоню, позвоню... Я не забываю, Ленка, мне ведь, кроме тебя, и звонить некому. Чао-какао! Все. Пока.

Сигарилла закончилась, деньги на симке тоже... Спасение было только в том, что депрессия исчезла так же внезапно, как началась...

Оксана задумалась. Затушила окурок в старой мраморной пепельнице. Потеребила золотого скорпиончика.

– А почему бы и нет? – спросила она его. – Не самый легкий, но вполне возможный вариант.

День начался как обычно – с деловых переговоров.

На этот раз их инициатором стал господин Винай.

Барышев привык прислушиваться к партнерам, но последнее слово оставлял всегда за собой. На этот раз идея Винай вызвала у него много скепсиса, но выслушать его аргументы он обязан хотя бы из уважения.

Протеже Винай оказался как две капли воды похож на него – тот же рост, та же прическа, та же белоснежная улыбка, абсолютно идентичный костюм от Хьюго Босс.

Сергею даже показалось, что у него двоится в глазах, но через пару секунд он понял, как их различать. У протеже на мизинце блестел бриллиант в несколько карат, а у господина Винай такого помпезного украшения не было.

Ох, не любил Сергей драгоценностей на мужских мизинцах, хотя понимал – это всего лишь способ известить окружающих о своем статусе. Например, его, главу «Стройкома», заставить принять «правильное» решение – мол, мои финансовые возможности отлично демонстрируют мои деловые качества.

Барышев откинулся на спинку кресла и приготовился слушать, всем своим видом демонстрируя заинтересованность и лояльность.

– Господин Тханет мой давний деловой друг, – на ломаном, но довольно неплохом русском начал Винай. – Он не раз оказывал мне услуги. Очень ценные услуги! Господин Тханет согласен на определенных условиях войти в правление нашей фирмы в качестве... своего рода консультанта.

«Ага, господин Тханет, оказывается, делает мне огромное одолжение, давая согласие войти в правление фирмы», – про себя усмехнулся Барышев, а вслух произнес:

– О каких же условиях идет речь?

– О весьма незначительном, учитывая его опыт и связи, финансовом вознаграждении. Поверьте мне, господин Барышев, я знаю, о чем говорю. Господин Тханет является членом Кабинета министров. Его возможности почти безграничны. Его помощь нам необходима. Вы же знаете, специфика нашей страны весьма своеобразна.

Сергей задумался... Интересно, насколько «почти безграничные возможности» адекватно соответствуют «незначительному финансовому вознаграждению»? Впрочем, в строительном бизнесе никогда не вредно присмотреться к человеку, входящему в состав Кабинета министров.

– Ну... специфика любой страны весьма своеобразна, – осторожно произнес Барышев и, подумав, добавил: – Но если господин Тханет поможет нам решить кое-какие проблемы с Ко Чангом, к примеру... Я разговаривал на днях с потенциальным инвестором. Там какие-то сложности с оформлением собственности на земельные участки.

– Разумеется, господин Барышев, разумеется, – воодушевленно закивал Винай, бросая взгляд на своего протеже. – Я думаю, этот вопрос в компетенции господина Тханета!

Винай что-то по-тайски спросил у чиновника, и тот утвердительно кивнул, сохраняя при этом величественный вид вершителя судеб.

– Господин Тханет готов приложить усилия! – заявил Винай. – Он уверен в успехе!

– Ну что ж, прекрасно. Давайте поступим следующим образом – отложим наш разговор на некоторое время. Мне надо подумать.

Вот так, получайте, господины Винай-Тханеты, близнецы-братья. Мы, русские, вовсе не рубахи-парни, все, что касается бизнеса, выверяем по миллиметру, просчитываем на десять шагов вперед.

Винай спал с лица, но сумел удержать улыбку.

– Ваше право, господин Барышев, ваше право... – пробормотал он, делая равнодушно-напускной вид. – В любом случае я буду уважать ваше решение. Только советую его не слишком оттягивать. Это в наших с вами интересах.

«В твоих», – мысленно поправил его Барышев и встал, давая понять, что разговор закончен.

– Ну, не такой уж я тугодум, – сказал он. – День-два. Думаю, мне этого времени хватит.

– Ту-го-дум, – задумчиво повторил Винай, тоже вставая. – Интересное слово, что оно означает?

– Ну... как вам сказать, – Сергей улыбнулся. – Тугодум – это человек, который думает медленно.

– О, это не про вас, вы думаете быстро!

– В иных ситуациях не следует особо торопиться.

– Вы очень мудрый человек, господин Барышев, очень мудрый. Я только добавлю – главное, не перепутать ситуации.

Вот именно. Главное – понять, кто что с этого будет иметь. Жалко, Петра нет с его дотошностью. Он бы этих «господинов» как элементарный чертеж прочитал.

– Очень рад знакомству. Очень! – сказал Барышев, пристально глядя в глаза члену Кабинета министров.

Винай перевел.

– Позвольте вас проводить...

Они вместе вышли из кабинета – Сергей впереди, «близнецы-братья» чуть позади. Барышев очень надеялся, что разговор закончен, но возле лифта Тханет, глядя на него, вдруг что-то сказал.

– Господин Тханет спрашивает, как много вы уже повидали в нашей стране, – перевел Винай.

– Пока немного, к сожалению, но то, что я видел, произвело на меня неизгладимое впечатление, – любезно ответил Барышев и озабоченно посмотрел на часы, давая понять, что времени у него больше нет. Тханет намек не понял и произнес еще что-то. Винай перевел:

– Господин Тханет бывал в Москве, она ему тоже очень понравилась...

Тханет еще что-то говорил с величественным видом, Винай переводил, но Барышев перестал их слышать...

В конце коридора он увидел Оксану. Вернее, сначала заметил белоснежный шелк ее платья, мелькнувший в лестничном пролете, и нет никакой гарантии, что это Оксана – в офисе она не единственная женщина, и уж тем более не единственная, носившая белые платья...

Только почему вдруг ухнуло сердце – ринулось вниз, потом подступило к горлу, вернулось на место и изо всех сил, как молот, ударило в позвоночник...

Это оказалась действительно она. Барышев видел, как Оксана остановилась, чтобы поговорить с секретарем, который спускался вниз. У нее в руках была деловая черная папка, диссонирующая с сумасшедше-красивым, почти бальным, платьем.

Сергей почувствовал, как в висках застучало, спина заболела, а на лбу выступила испарина.

С ним творится что-то неладное. Неправильное. Возмутительно отталкивающее и отвратительное. Что-то, чему он не может дать объяснения и чему не в состоянии противостоять.

Винай тронул Сергея за руку и что-то сказал.

– Что, простите?.. – не отрывая взгляда от Оксаны, спросил Барышев.

– Господин Тханет выражает восхищение вашей родиной.

– Да, да... спасибо, спасибо.

Оксана обернулась, их взгляды пересеклись... Она ему улыбнулась.

«Я должен ее уволить, – твердо решил Сергей. – Немедленно. Не объясняя причин».

Оксана позвонила утром и назначила встречу в полдень, в кафе «Приг-тай».

Не подозревая, какому испытанию предстоит подвергнуться, Ольга надела легкомысленный сарафан на бретельках, с высоким разрезом, шпильки и без пятнадцати двенадцать уже сидела за столиком, ожидая свою новую подругу.

Через пару секунд она поняла, что совершила большую ошибку, приехав сюда без водителя и в столь провокационном наряде. Вся мужская часть посетителей, включая бармена и официантов, пожирала ее глазами.

Ольга почувствовала себя голой. И бесстыжей.

Ну почему она забыла, что это не Москва, что в глубине нетуристических кварталов одинокая женщина в столь откровенном наряде да еще европейской наружности воспринимается как...

У Ольги даже холодная испарина выступила, когда она подумала, за кого ее принимают все эти тайские мужики с сальными, прожигающими насквозь глазами... Она попыталась натянуть сарафан на обнаженную ногу, но разрез был очень высоким, и голое тело обнажалось то тут, то там.

Оксана, как назло, опаздывала. Появилось настойчивое желание удрать, но в Ольге вдруг проснулись упрямство и гордость – что, она нашкодившая девчонка какая-то? Плевать ей на этих восточных самцов, пусть думают что хотят.

Она оставила в покое подол сарафана, подозвала официанта и на плохом английском заказала зеленый чай...

Оксана сидела в машине и не без злорадства наблюдала за тем, как Ольга мается под похотливыми взглядами местных мачо. Она специально назначила встречу в этом кафе, зная здешнюю специфику – тут собирались игроки, мошенники, сутенеры, любители клубнички и откровенные извращенцы.

Наконец Ольга успокоилась, перестала дергаться и подозвала официанта.

«Концерт окончен», – с сожалением подумала Оксана, вышла из машины и направилась к Ольге, приветственно помахав Атхиту – хозяину кафе, давнему своему приятелю.

– Ради бога, извините меня. – Она подошла к Ольге и села напротив. – Задержали в офисе.

– Ничего, ничего, – Ольга улыбнулась, и Оксана с удовлетворением отметила вымученность ее улыбки. – Может быть, пойдем отсюда в другое место? – снизив голос, предложила Ольга. – Здесь я себя чувствую, как в зоопарке, причем не в качестве посетителя, а скорее – наоборот.

– Бедная... – покачала головой Оксана, изображая сочувствие. – Намучились? Это я, дура, виновата! Ну почему я по-другому не условилась. Надо было мне за вами заехать. Не волнуйтесь, это самое спокойное место в городе. Меня тут знают. Ну, посмотрите, видите – никто нас уже глазами не ест.

Барышевская жена – клуша и домохозяйка – бросила взгляд по сторонам и убедилась, что Оксанино появление избавило ее от раздевающих взглядов.

Пусть подумает – почему...

Хорошая гимнастика для ее заостренного, подернутого сытым жирком мозга.

– Ну что? Успокоились? – улыбнулась Оксана самой обаятельной из своих улыбок.

– Кажется, да, – Ольга в упор посмотрела на бармена, который тряс шейкер, не обращая на них никакого внимания.

Ужас. Как такой монстр, акула, будущий президент – Барышев – живет с этой... овцой.

Оксана вспомнила его сегодняшний взгляд в офисе, когда шеф стоял у лифта и, поедая ее глазами, похоже, совсем не слушал своих собеседников.

– Ну, вот и славно! – бодро сказала она. – Что будем пить? Здесь фантастический клубнично-манговый шейк. Вы любите клубнично-манговый шейк?

– Не знаю... – замаялась Ольга, – возможно, люблю.

– А вот мы сейчас проверим. Атхит! – она подозвала хозяина, сделала заказ и объяснила Ольге: – Меня на него посадил бывший муж.

– Муж? – удивилась Ольга. – Он был тайцем?

– Французом.

Оксана с интересом следила за лицом Ольги, на котором отчетливо читались все эмоции. И как с таким лицом выживать? Ни соврать, ни притвориться – лакмус, а не лицо. Может, Барышева она этим и взяла? Мужики с деньгами и властью любят, когда у жены нет второго дна.

Надо учесть.

Надо попробовать это сыграть.

– Ну как? – спросила Оксана, глядя, как Ольга пробует шейк.

– Божественно! – воскликнула та.

«Божественно!» – мысленно передразнила ее Оксана. Нужно порепетировать перед зеркалом эту глупую непосредственность.

Пригодится для будущих президентов.

– Вы, наверное, жили в Париже, раз муж – француз?

– Ни дня! Выходила замуж за француза, собиралась в Париж, а оказалась здесь... – Оксана не соврала ни слова, словив кайф от своей откровенности.

Пусть барышевская жена почувствует себя «жилеткой» – чуть-чуть, – такие овечки любят быть доверенными лицами даже у простых переводчиц своих богатых мужей.

– У мужа была здесь работа, так что мне во Франции и побывать не удалось, сразу из Москвы – сюда. Привез и бросил. То есть бросила его я, но только он-то давно уже в том самом Париже, а я тут застряла...

Ольга посмотрела на нее сочувственно. Разве что не обняла и по голове не погладила.

– Да, невесело... А разводиться было обязательно? – спросила она.

– Не то слово!

Все. Хватит откровенности на первый раз...

– Что вы на меня так смотрите? – не удержалась она от жесткого тона. – Жалеете, что ли? Бросьте. Все в порядке. – Оксана достала сигариллу, хотела закурить, но передумала и убрала ее обратно в пачку.

Черт дернул ее на этот эксперимент с откровенностью. Отчего-то от него запершило в горле и захотелось заплакать, хотя с депрессией было покончено еще утром – чашкой крепкого кофе и многообещающим взглядом Барышева.

– Все в порядке, – задумчиво повторила Оксана. – Тепло, море, солнце, красиво... Слушайте, а вы вообще что-нибудь, кроме рынка, здесь видели? – поинтересовалась она.

– Очень мало. Сережа все время занят, а без него мне ездить на экскурсии не хочется.

– Все ясно. – Оксана решительно встала. – Поехали! Я вам сейчас такие красоты покажу! Поехали, поехали!

– Да меня и уговаривать не надо, – заверила ее Ольга, тоже вставая. – Я об этом и мечтать не могла!

«Я тоже», – направляясь к машине, подумала Оксана.

Бедная овечка... Неужели ты не понимаешь, что тебе никогда не стать первой леди!

Никогда.

Таиланд, который показала ей Оксана, поразил Ольгу.

Они заехали на ферму крокодилов и в парк камней, побывали в океанариуме на Сукум-вит-роуд и в Мини-Сиаме на окраине города, где в миниатюре были представлены все достопримечательности страны.

Экскурсия, правда, закончилась в магазинах. Но шопинг, такой утомительный и неинтересный в одиночестве, в компании новой подруги приобрел веселый и бесшабашный размах. Ольга приобрела столько безделушек и сувениров, что теперь, разбирая пакеты в гостинной, ужасалась их количеству.

– Уф! Накупила бронзулетов! Куда мне их столько? – посмотрела она на Оксану, обессиленно лежащую на диване.

– Этого много никогда не бывает. Обожаю цацки.

Ольга достала коралловые бусы, приложила к груди Оксаны и полюбовалась контрастом загорелой кожи, белого платья и красных бусин.

– Красиво. Ну-ка, примерьте!

– Ну что вы! – Оксана отвела ее руку с бусами.

– Это ваша вещь. Я вам ее дарю.

– Не надо, не надо... – Оксана села, ногами нащупывая босоножки.

– Нет, дарю! – Ольга, не слушая возражений, надела кораллы ей на шею. – И вообще, давай на «ты», а? – весело предложила она.

– Давай, – согласилась Оксана. – Только... – Она взялась за бусы, чтобы снять их, но Ольга остановила ее, мягко взяв за руку.

– погоди! Не надо... Ну-ка... – Ольга легким движением чуть повернула и приподняла голову Оксаны за подбородок.

Та с недоумением в глазах подчинилась. Ольга отошла на пару шагов и полюбовалась на точеное лицо – тонкий нос с небольшой горбинкой, высокий лоб, миндалевидные глаза, четко вылепленный подбородок, длинную изящную шею, перетекающую в высокую линию груди... Нигде и никогда она не найдет больше такую удивительную модель.

– Еще чуть выше подними голову! – скомандовала она. – Стоп!

Оксана, не понимая, что от нее требуется и почему Ольга так дотошно рассматривает ее, поправила волосы, подумав, будто столь пристальное внимание вызвано непорядком в причёске.

– Да опусти ты руки! – возмутилась Ольга, твердо решив для себя – она не отпустит сегодня Оксану, пока не напишет ее портрет.

На лице Оксаны недоумение сменилось смущением, и она опустила руки.

– Вот... Вот так вот и сиди, я сейчас тебя нарисую...

Ольга бросилась к мольберту – благо он всегда стоял наготове, прямо здесь, в гостиной, – и закрепила на нем бумагу.

– Что, прямо сейчас?! – В глазах Оксаны промелькнуло замешательство, и Ольга решила, что она, как всякая женщина, считает – в данный момент она недостаточно хорошо выглядит для того, чтобы позировать.

Неужели она не знает, искренне не догадывается, как хороша любая: уставшая, без «парада» и даже немного напуганная столь внезапным предложением побыть моделью.

– Сиди, не двигайся, не мешай... – Ольга сангиной стала быстро рисовать портрет. – У тебя удивительное лицо, замечательное... Я никогда подобных не встречала... Понимаешь, такая завораживающая гармония редко встречается... Боюсь даже, что не смогу ее передать...

– Дышать хоть можно? – усмехнулась Оксана.

– Можно. Дышать можно, а больше ничего нельзя...

Из-под быстрых штрихов появлялось лицо – на удивление живое, со всеми тонкими нюансами, несмотря на скудость художественных средств – всего лишь красноватая сангина. Вдохновение, охватившее Ольгу, нарушил телефонный звонок.

Она неохотно взяла мобильный, даже не посмотрев, кто звонит, потому что не могла оторвать взгляд от портрета, и правой рукой все еще наносила «оживляющие» и уточняющие штрихи.

– Алло... – рассеянно сказала она в трубку.

– Оль... – послышался на том конце плачущий Надькин голос. – Оль, я больше так не могу!

Рыдания в трубке резанули по сердцу, Ольга отбросила мелок и с размаху плюхнулась в кресло.

– Надюха?! Господи! Что с тобой? Что случилось?! – закричала она.

– Я не могу просто... – всхлипнула Надя. – Я в себе это ношу, ношу... Мне надо кому-то сказать, а кому я еще могу... – Надька замолчала, залилась горячими слезами на том конце, в промозглой далекой Москве...

– Что ты несешь, Надь? Ты можешь сказать, что случилось?

– Что случилось, что случилось, – невнятно пробормотала подруга и выкрикнула: – Да ничего!

У Ольги от сердца отлегло, значит, ничего серьезного, – все живы, здоровы, а Надька опять навывдумывала невесть что из-за невозможности применить в каком-нибудь деле свою кипучую энергию.

Ольга точно знала – когда Надьке нечего делать, у нее включается бурная фантазия.

– Фу, напугала. Чего тогда ревешь, раз ничего не случилось?

– Димочка мне изменяет, вот что!

– С чего ты взяла?

– Я точно знаю!

– То есть прямо вот так взяла и с поличным его застукала! Да еще наверняка в своей супружеской постели, – засмеялась Ольга.

– Ну хорошо, точно не знаю, – сбавила обороты Надька, перестав рыдать. – Но я уверена.

– Почему?

– Потому что чувствую! Вот. Знаешь, такие мысли зря в голову не приходят. Дыма без огня не бывает!

– Ой, Надька... Занять тебе себя чем-то надо, кроме ребенка, – вздохнула Ольга.

– Вот! Думаешь, почему он мне работать не разрешает, а?

– Не знаю. Если честно, не понимаю.

– А я понимаю! – торжественно провозгласила Надя. – Потому что не хочет на моих глазах быть! А почему?

– Ну, почему?

– Значит, скрывать есть что! В агентстве смазливых девиц пруд пруди, сама знаешь. А на мое место тоже не бабку-пенсионерку взяли, а молоденькую и длинноногую. Видела я, как она в сторону Димочки глазами зыркает, и как на меня смотрела – тоже видела.

– Ну, и как она на тебя смотрела? – еле сдерживая смех, поинтересовалась Ольга.

– Удивленно – вот как! Смотрела и думала, что я Димочке не подхожу, потому что он красавец, а я... – Надька опять зарыдала в голос.

– Надь, ну чего ты воешь белугой... Дай-ка мне Димку, я ему мозги прямою по старой дружбе!

– Ничего я не вою... А Димочки нет. Он в Петербург на два дня уехал...

– Надька, немедленно перестань рыдать! – всерьез рассердилась Ольга. – Ну, кому, как не тебе, знать, что Димка тебя любит!

– Любит он меня! Откуда ты знаешь? Это, может, он раньше любил, а теперь...

– Перестань нести глупости.

– И ничего не глупости! – зашлась в новом приступе плача Надя. – Вовсе не глупости! Хорошо тебе, у тебя Сережа такой!

– Да, мне хорошо, у меня Сережа, – сказала Ольга, а сама вдруг подумала – надо спасать Надьку! Надо срочно спасать, а то все эти истерики уже пахнут психическим расстройством. – Ты вот что, кончай там дурью маяться, а то доведешь Димку до белого каления своими подозрениями дурацкими. Знаешь что?! Бери-ка своего Дим Димыча в охапку и приезжай ко мне!

- Но ведь... – попыталась что-то растерянно возразить Надя, но Ольга ее перебила:
- Приезжай, приезжай! Развеешься, дурь из башки выветришь, да и я по тебе ужасно соскучилась! Тут такая красотища!
- А это... Кто Димочку кормить будет? Стирать, убирать...
- Да плюнь ты на все! И с Димочкой твоим драгоценным ничего без тебя не случится. Приезжай!
- Нет, ну как же это я так вдруг поеду? – Надька, наконец, перестала плакать, и хоть сопротивлялась огорошившему ее предложению, в голосе зазвучало сомнение, которое вполне могло перерасти в согласие. – Нет, Оль... И Грозовского одного оставлять, и вообще... Нет!
- Да!
- Ну, разве что... Димка в Канаду собирается ехать через неделю... Может быть, тогда мне к тебе и поехать, все равно его месяц не будет, а?
- Вот и договорились! – обрадовалась Ольга своей победе.
- Ну, хорошо, я подумаю.
- И думать нечего! Жду тебя! Чтобы через неделю тут была как штык! Все! Целую.

Пока Барышева болтала по телефону с какой-то умалишенной подружкой, Оксана выкурила сигариллу, обдумывая забавную мысль – угораздило же ее вляпаться в эту бодягу, позировать. Додружилась...

Удивительное, видите ли, у нее лицо. Интересно, она один ее портрет нарисует или задумает серию с последующей выставкой-продажей?..

Шея от долгой неподвижности затекла, а правая рука, которую почти полчаса пришлось продержать на спинке дивана – занемела.

Зато Ольга, кажется, прониклась к ней безграничной симпатией и доверием. Оно того стоило – это позирование. Теперь все тайны барышевской семьи – ее тайны. А зная слабые места в фундаменте волшебного замка под названием «любовь», проще его разрушить. Подмыслить, подточить изнутри... Сделать так, будто сам этот замок разрушился вовсе без ее участия.

– Это моя подруга, самая близкая, – прервал ее мысли голос Ольги.

Оксана затушила сигариллу в подносе с фруктами и всем своим видом изобразила чрезвычайную заинтересованность.

– Я так и подумала. Какие-то проблемы?

– Ой! – засмеялась Ольга и, махнув рукой, с провинциальной и совершенно неподобающей жене «акулы бизнеса» нежностью сказала: – Дурища такая. От ревности с ума сходит!

– У нее есть для этого повод?

– Да в том-то и дело – ни малейшего! Муж в ней души не чает, сын у них чудесный... А она вбила себе в голову чушь какую-то и мается. Ну, ничего, через неделю ко мне прилетит, я из нее эту дурь вытрясу. А ты мне поможешь. Хорошо?

«Опять нарвалась, – с раздражением подумала Оксана. – Если так дело пойдет, я скоро вместе с ней буду принимать роды у ее любимой кошки!»

– Вытрясать из кого-то дурь – мое самое любимое занятие, – с дурашливой серьезностью заверила она Ольгу. – В этом деле мне нет равных!

Ольга засмеялась, и пришлось поддержать ее смех с самым искренним и непосредственным видом.

– Я смотрю, вы уже вполне подружились! Отлично! – неожиданно громыхнул барышевский бас.

Они обе повернулись к двери и увидели его – огромного, улыбающегося и немного смущенного.

– Ой, Сережа! – бросилась к нему Ольга и, схватив за руку, затараторила со своей раздражающей Оксану непосредственностью: – Мы провели такой чудесный день! Мы вместе катались по разным злачным местам!

– Однако! – шутливо нахмурился Барышев, стараясь не смотреть на Оксану.

– Не слушайте вы ее. Все места были абсолютно невинными. – Оксана подошла к нему так, чтобы он не мог ее не видеть...

Шеф сразу занервничал и, заметив мольберт, слишком поспешно подошел к нему.

Отлично. Он, конечно, еще не на крючке, но наживку заглотил так глубоко, что выкрутиться ему не удастся, как бы ни избегал он взглядов и близкого расстояния.

Кажется, портрет его не порадовал. Похоже, он его неприятно потряс... И это тоже было подтверждением Оксаниной победы и пошатнувшегося волшебного замка.

– Это ты сейчас нарисовала? – с наигранным равнодушием спросил жену Барышев и, не дожидаясь ответа, отрешенно добавил: – Похоже, похоже...

– Сережа! – Ольга оттеснила его от мольберта. – Портрет еще не готов. Не смотри! Кстати, к нам прилетает Надя.

Оксана все-таки поймала его взгляд и насладились замешательством, которое в нем мелькнуло.

А теперь радуйся приезду Нади, мысленно приказала она. Радуйся, радуйся, да посильнее, чтобы жена не заметила твоих бегающих глаз, дрогнувшего голоса, испарины и паники, готовой прорваться наружу.

– Правда? – словно повинувшись Оксане, громко и радостно закричал Сергей Леонидович. – Да что ты говоришь! Отлично! Это просто замечательно! Я очень рад!

Хватит. Переборщил. Выдаешь себя с головой. Посмотри, с каким недоумением смотрит на тебя женушка...

Барышев замолчал, не зная, чем еще отвлечь себя от магнетического объекта, на который обжигающе больно было смотреть. На его спасение, в гостиную вошла пожилая тайка, ведя за руку маленького ребенка.

Барышев схватил его на руки, поцеловал в щеку и скорее себе, чем кому-то еще, сказал:

– Сын... Как я соскучился!

– Ой, кто это к нам пришел! – запричитала Ольга. – Это Петя пришел?!

Сын, как две капли воды похожий на Барышева, уткнулся ему в плечо.

– Он стесняется и спать хочет, – словно оправдываясь, сказала ей Ольга. – А вообще он шустрый.

– Прелесть, а не малыш! Красавец, – улыбнулась Оксана.

...Только такие кошки, как ты, способны так много рожать. Интересно, если оставить Барышева тебе, сколько ты ему еще наштампует таких шустрых прелестей?

Все, не могу больше на это смотреть. Противно...

– Ну, мне пора! – Оксана взяла свою сумку и нанесла последний удар, глядя на Барышева в упор: – Вам очень идет быть отцом. До свидания!

– Счастливо! И спасибо за все, Оксана! Все было просто высший класс! – Забрав сына у Барышева, Ольга подтолкнула мужа к ней. – Ну, что ты стоишь, Сережа! Проводи Оксану до машины.

Барышев хотел что-то сказать, но не стал – поплелся за Оксаной как на заклятие...

Дурочка. Какая же дурочка у тебя жена.

Я не буду такой.

Я буду тонкой, умной, изысканной и... до конца никогда и никем не прочитанной.

Димка улетел в Канаду вечером, а утром Надя уже паковала чемодан.

Билет в Таиланд был куплен заранее, банка соленых огурцов для Ольги приготовлена, оставалось только решить, что из вещей брать с собой, и этот вопрос оказался наитруднейшим и практически неразрешимым.

Как обойтись без спортивного костюма с начесом? А с другой стороны, зачем он ей нужен, если в Таиланде жара? Но опять же – все время, что ли, там жара? Вдруг налетит ветер и похолодает? Окочуриться же можно в сарафане-то...

Надя достала костюм из чемодана, потом положила, потом снова достала. Потом все-таки положила и стала закрывать чемодан, который категорически не хотел закрываться. То есть без костюма – пожалуйста, а с ним – ни в какую.

В Наде проснулось упрямство, и она уселась на крышку, пытаясь застегнуть непокорный замок.

– Вот зараза, – тихо ругнулась она.

– Заза, – повторил Димка-маленький, гонявший по комнате игрушечную машинку.

– Это плохое слово! – строго сказала Надежда. – Не говори его.

– Заза! – упрямо повторил Димка.

Замок почти застегнулся, но в этот момент зазвонил телефон. Надя, соскочив с чемодана, схватила мобильник.

– Да, Димочка! Как ты там, а?

– Нормально, – весело сообщил Грозовский. – Лететь не передумала?

– Нет, летим.

– Огурцы Ольге взяла?

– Да взяла, взяла! Я ей много чего взяла, с голоду не помрет.

– А карточку? Наличные деньги ты сразу потеряешь, матушка, я тебя знаю.

– Ой, Дим, я с этими карточками как-то не очень...

– Не очень будет, когда без денег останешься.

– Ну, хорошо, хорошо, возьму! – Надя выдвинула ящик серванта и достала кредитку. – Все, взяла.

– Точно? – усомнился Грозовский. – Врешь ведь, чтобы меня успокоить.

– Вот, взяла, кладу в сумку, теперь не забуду! – Надя демонстративно положила карточку в кошелек, а кошелек в сумку, будто Дима мог это видеть.

– Ладно, верю. Теперь главное – сумку не потеряй.

– Димочка, ну что ты со мной как с больной! Ничего я не потеряю. Ты-то там как?

– Говорю же, нормально. Холодно только.

– А в Канаде сейчас тоже зима?

– Надь, не пугай меня.

– А, ну да, ну да... глупость спросила. Просто в Таиланде-то сейчас лето, я поэтому и...

– Матушка моя разлюбезная, на досуге подгони географию, двойка тебе! В Таиланде сейчас зима!

– Да ты что! – поразились Надя. – А Ольга говорит – жара...

– Там зимы такие... летние!

– А... ну, понятно. Ну, дура я, двоечница. Зато люблю тебя так, как ни одна умная любить не будет.

– Я тебя тоже люблю, хоть и шибко умный.

– Правда? Я не верю, – засмеялась Надежда, хотя верила сейчас стопроцентно в признание Димки, потому что ее ревность улетучилась сразу же, как только она приняла решение ехать к Ольге. Просто, как по команде, выключилась эта дурацкая ревность.

– Ну и не верь, все равно люблю.

– Ой, мамочки! – Надя глянула на часы. – Все, Димка, все! У меня времени с гулькин нос, а еще ничего не собрано! Все! Целую!

– Самолет не перепутай! – крикнул на прощание Грозовский, но Надя уже отключилась.
– Твоя взяла, – сказала она костюму с начесом и выкинула его из чемодана. В благодарность тот закрылся с легким щелчком.
– Дима, одевайся! – закричала она сыну. – Дима! Одевайся!

Надька прилетела под вечер.

– Ни фиги себе, хоромы какие! – восхитилась она, подходя к дому. – Ой, бассейн! – Она в восторге замерла возле лазурной воды. – И плавать можно, что ли?

– Сколько влезет! – заверила ее Ольга.

– Павать! – сонно повторил Дим Димыч и, присев на корточки, побулькал рукой в воде.

– Ну, вот, будет теперь Петьке моему компания, – Ольга подхватила Димку на руки и унесла в детскую. Усыплять его не пришлось – когда она укладывала Дим Димыча в кроватку, он уже спал.

Ольга постояла пару минут у кроватки, полюбовалась на Димку-маленького. У него были рыжие кудрявые волосы, как у Нади, и тонкие черты Грозовского.

Когда она спустилась в гостиную, Надя стояла у мольберта и рассматривала портрет Оксаны.

– Что это? – спросила она.

– Ой, это так, еще не закончено. Нравится?

Надя уже прохаживалась по гостиной, разглядывая безделушки, картины и мебель.

– Тетка-то? – равнодушно переспросила она. – Ничего!

– Ну, ты скажешь! – улыбнулась Ольга. – Какая же она тетка! Я тебя с ней познакомлю. Она сейчас приедет.

Утром Ольга позвонила Оксане, но ее мобильный не отвечал. Тогда она попросила Сережу передать его переводчице, что она ждет ее вечером в гости – поболтать, познакомить с подругой. Сережа мог, конечно, забыть, потому что в ответ на просьбу рассеянно покивал и пробормотал: «Хорошо, хорошо, если увижу», но Ольга надеялась, что Оксана приедет – так хотелось показать Надьке «Клеопатру» и узнать, что она о ней думает.

Надькины суждения – прямые и подчас неожиданные – часто попадали в самую точку и раскрывали суть явления или человека. Это необходимо сейчас Ольге для портрета. Не могла она ухватить взгляд – он получался не Оксанин – слишком лиричный, как у милой девушки, любящейся природой.

«Милой девушкой» Оксана не была, Ольга хорошо это понимала, но что там таится в этих красивых глазах – хитрость, жесткость, замечательное коварство, придающее такой шик, – Надька с первого взгляда диагноз поставит.

– Подруга, что ли, новая? – осмотрев Ольгины владения, Надя забралась на диван с ногами.

– Ну, пока не знаю... – Ольга присела на краешек рядом с ней. – А вообще, наверное, подруга. Она хорошая, тебе понравится.

– А кто это у тебя так свинячит? – Надькин взгляд уперся в затушенную сигариллу в подносе.

– Ой... подруга. Новая! – Они расхохотались. – Она по вечерам забегает на полчаса, позировать.

– Ладно, займусь ее воспитанием, – сказала Надя и взяла Ольгу за руку. – Ну, рассказывай давай, как ты тут живешь?

– Надька, мы с тобой каждый день по часу разговаривали, что тебе рассказывать? Ты все знаешь.

– Так то по телефону. По телефону какой разговор? Нет, ты вот теперь рядышком сидишь, я тебя вижу, так что давай. А я слушать буду.

– Тогда уж ты лучше рассказывай! Это я послушаю, что ты там себе накрутила. Бедный Димка!

– Это он-то бедный! – прыснула Надя, но тут же скорчила сочувственную гримасу. – А вообще, и правда. Ну что я могу с собой поделать? Все мне чего-то мерещится... Очень уж Димочка хорош, вот я и боюсь за него – а вдруг?

Надя покривлялась, изображая, как «хорош Димочка» – высоко задрала нос, подвигала плечами, повернула голову вправо-влево, свысока посматривая на Ольгу.

– Уважительная причина, – засмеялась Ольга. – Надо было тебе замуж выходить за косого и кривого, чтоб, кроме тебя, никому он был не нужен. Так, что ли?

Ольга тоже не поленилась и изобразила «косого-кривого», прищунив глаз и скособочившись.

– А чего, может, и так. За косого, кривого и горбатого. Так оно спокойней было бы...

Надя замолчала, глаза у нее округлились, брови поползли вверх.

В дверях стояла Оксана.

В пронзительно-голубом платье в пол. Словно пришла на бал, а не на дружеские посиделки.

Надька даже рот приоткрыла от изумления при виде такой сногшибательной красоты.

– Привет! – подскочила Ольга, обрадовавшись. – Сергей передал, что я просила прийти?

– Нет. Наверное, забыл, – улыбнулась Оксана. – Ты же вчера сама говорила, что подруга придет.

– Забыла. Вот! Надюха моя и приехала!

Оксана царственно подошла к дивану и протянула Надежде руку.

– Здравствуйте. Вот вы какая!

– Здравстее... – Надя зацепила мизинцем большой палец Оксаны и приветственно потрясла в шутилом рукопожатии, завороченно уставившись на золотого скорпиона, расквашивающегося на запястье Оксаны. – Это какая же я?

– Как раз такая, какой я себе вас и представляла. – Оксана отцепила руку от Надиного мизинца и села в кресло напротив, положив на колени крохотный синий клатч. – Мне о вас Оля рассказывала.

– Да? – насторожилась Надежда, возмущенно уставившись на подругу. – Это чего ж ты про меня рассказывала, интересно?

– Только самое хорошее, – успокоила ее та, присаживаясь рядом.

– Так хорошее или правду?!

Все трое рассмеялись, словно были знакомы сто лет.

– Давайте что-нибудь поедим, – предложила Ольга. – Я, например, голодная.

– Ой, девочки! – Надя треснула себя по лбу, вскочила. – Совсем из головы вон! Я мигом!

Она выбежала в холл, приговаривая:

– Вот башка дырявая, и зачем только перла!

– Бурный темперамент у твоей подруги, – усмехнулась Оксана.

– Что она еще придумала? – Ольга озадаченно посмотрела Наде вслед, но та уже появилась в гостиной, волоча за собой по полу большой баул.

– Зови своих басурманов! – громко крикнула Надя Ольге, будто находилась не в двух шагах, а на другой планете. – Пусть посуду несут!

Они не заметили, как Оксана поморщилась – словно зуб заболел. Или будто очень сильно натерли туфли...

– У нее челяди полный дом, – объяснила Оксана Наде, выкладывая на стол банки и свертки. – Прямо боярыня Морозова! Ну вот, сувениры с родины! – Она развернула пакет, продемонстрировала гляцевую палку сервелата, сунув ее под нос сначала Оксана, потом Ольге, чтобы понюхали. – Красота, а не колбаска! Вчера в нашем гастрономе купила. А это... – Надя

торжественно извлекла из баула трехлитровую банку, завернутую в старую газету. – Это огурчики солененькие! С рынка...

Вслед за банкой последовало еще много чего – Надя слегка запыхалась, а рыжие волосы растрепались, когда она любовно перечисляла:

– Это грибочки маринованные, это сало, это хлебушек бородинский, это икорочка красная, икорочка черная, а вот... водочка!

У Ольги дух захватило от вида всех этих разносолов, будто и не было никакого Таиланда, будто они праздновали в Москве чей-то день рождения и сейчас, после водочки, огурцов и грибочков, затают вместе «Отвори потихоньку калитку»...

– Какая же ты молодец, Надька, – только и могла сказать Ольга.

– Да уж... – подтвердила Оксана. – Сто лет такой красоты не видела.

Через пятнадцать минут они сидели за накрытым столом на террасе и, хоть «про калитку» не пели, но по сто граммов выпили и закусили всеми шедеврами русской кухни.

– Ты на икорочку-то налегай, не стесняйся, – Надя бухнула на тарелку Оксане две столовые ложки черной икры. – Ничего, что я на «ты»?

– Это просто замечательно! – заверила ее Оксана, дожевывая бутерброд с сервелатом и закусывая соленым огурцом.

– Ну вот и слава богу! Оль, ты ж огурцы просила, чего не ешь?

– Да я уже полбанки стрескала! – захохотала Ольга. – Кстати, Надька, ты вечернее платье с собой взяла?

– Я костюм теплый не взяла, – с набитым ртом ответила Надя. – А вечерних платьев даже два – в цветочек и в крупный цветочек!

– Отлично. Сейчас доедим все это великолепие и пойдем красоту наводить. Нас вечером на прием в наше посольство пригласили.

– И меня тоже? – выпучила глаза Надька в шутовском ужасе.

– Это меня – тоже, а тебя, Надежда Ивановна, в первую очередь.

– Понятно, с корабля, значит, на бал. А что, нам не привыкать! – Надя пальцами вытерла рот и весело посмотрела на Ольгу.

– Оксан, у тебя приглашение есть? – спросила та.

– Есть, – кивнула Оксана. – Я, собственно, потому так и оделась.

– Значит, вечером берем посольство штурмом! – торжественно провозгласила Ольга. – Нашей неземной красотой и очарованием!

– Да запросто! – Надя высоко подняла рюмку.

Они звонко чокнулись и залпом выпили.

Словно это был не жаркий и душный Таиланд, а Москва, где еще греться и греться...

Первый раз светский прием не стал для Ольги тяжелой обузой.

А все потому, что рядом крутилась, болтая без умолку, Надька с прической-«гнездом» и в разухабисто-цветастом платье.

Кто сказал, что на приемах нельзя громко смеяться и задавать вопросы типа: а не тошно вам в такую жару в этом смокинге?

Во всяком случае, Надька уже через пару минут стала центром внимания, душой общества и запросто болтала с дипломатами и гостями.

Ольга нарадоваться не могла своей «терапии» – ну, и где ревнивая фурия, изматывающая себя и Димку фантазиями на тему «он мне изменяет»? Какой-то смазливый поддатый сотрудник посольства воодушевленно рассказывал Наде об «этой дивной стране», а она хохотала и вставляла в его пламенную речь реплики «да бросьте вы», «да не может быть», «да не гоните»...

Ольга поискала глазами Оксану, но нигде не увидела ее голубого платья. Избавившись от болтливого собеседника, подошла Надя и взяла Ольгу под руку.

– Оль, – огляделась она по сторонам, – а где Сережа-то? Чего-то я его не вижу, где он?

– Да где-то здесь, – пожала Ольга плечами.

– Ведь даже поздороваться с ним по-человечески не успели!

– Наздороваетесь еще! – рассмеялась Ольга. – Дома. Он тебя, кстати, очень-очень ждал!

– Да-а?! – удивилась Надежда, подхватывая у проплывающего мимо слуги с подноса бокал шампанского. – А чего это он, соскучился, что ли?

– А то! Без тебя, Надька, жизнь чопорная и скучная!

Они захохотали, обнявшись и расплескав шампанское на Ольгино платье, дружно завизжали, привлекая к себе взгляды всех присутствующих.

Он знал, что пропал и сопротивляться бессмысленно.

Сопротивление смерти подобно. И несопротивление тоже. Так что выход один – пропасть. С непредсказуемыми последствиями на самом ее дне – летальный исход, нет ли, но в любом случае – трагический.

Сергей недавно прочел в прессе аккуратное выражение в отношении крупного политика: «Ему нужно избегать даже видимости неподобающего поведения».

Вот и ему нужно.

Вот он и избегал.

И не потому, что был крупным политиком и от этого «неподобающего поведения» зависла его карьера, а потому, что... любил семью и любил Ольгу, несмотря на злокачественную страсть, захватившую его разум и тело.

Он не смог уволить Оксану.

Собирался несколько раз за неделю, но в последний момент тушевался, терялся, бормотал какую-то чушь типа «зайдите позже»...

А сегодня выдал ей пригласительный на прием в посольство.

Потому что решил.

Потому что стыдно врать самому себе.

Самым унижительным и головокружительным было то, что Оксана все понимала.

Барышев ощущал исходящее от нее электричество, но не знал, не улавливал, что оно означает – начало такой же болезни, как у него, или... отторжение и возмущение.

Сегодня он это узнает.

Нахрапом – потому что надоело бледнеть и маяться.

Все надоело. В пропасть – так со всего маха. И будь что будет, потому что иначе вместо «неподобающего поведения», на которое настроилось тело, случится инфаркт.

Он видел, как Оксана отыскивала его глазами, взяла бокал шампанского и вышла на открытую террасу.

Сергей выждал пару минут и вышел за ней, рационально и холодно отметив, что Ольга не смотрит в его сторону.

Облокотившись на перила, Оксана стояла лицом к нему, и бокала в ее руке не было, словно она за ненадобностью выбросила его в темноту.

То, что она без шампанского, то, что лицом к нему, говорило – ждала.

Можно было не уточнять ее настроения и намерений, но Барышев, прежде чем рухнуть в пропасть, зачем-то спросил:

– Вам скучно? Почему вы ушли сюда и стоите в одиночестве?

– Может быть, для того чтобы услышать от вас этот вопрос? – как сквозь вату прозвучал ее низкий, с хрипотцой, голос, отключающий все остатки сознания.

Он схватил ее, наверное, грубо, но по-другому не мог, им управлял сейчас маленький дьявол, от которого он так и не сумел отбиться. Схватил, прижал, заломил и губами нашел ее губы, пахнувшие почему-то водкой и черной икрой.

Дьявол, икра и водка...

Как пусто внутри, и как изнуряюще сладко, и кажется, уже не выплыть и не победить эту вязкую злую напасть...

Если Ольга сейчас заметит его, он застрелится. И если не заметит – застрелится все равно.

Потому что это не его суть и не его жизнь – задыхаться от сладострастия к чужой бабе, пахнувшей несчастьями и сандалом...

* * *

Кран заурчал и плюнул в турку грязной водой.

Кофе откладывался на неопределенное время, но даже это не смогло испортить ей настроение.

Оксана вылила воду и, выключив плитку, поставила турку на хлипкую полочку, кособоко висевшую на одном гвозде.

Ничто не испортит ей настроения. Даже если Бончай опять придет кланчить деньги.

Она скинула легкий халатик – вентилятор мало спасал от жары – и, оставшись в лифчике и стрингах, по-турецки уселась на деревянный лежак, который служил ей кроватью, и закрыла глаза, вспоминая вчерашний вечер.

Был всего один поцелуй, но какой! И это при том, что Ольга с ее чокнутой рыжей подружкой в любой момент могли их застукать.

Господи, какой кайф она испытала! Не столько от поцелуя, сколько от того, что на террасе могла появиться его жена... Или не она, кто-то еще – неважно! Главное – Барышев потерял над собой контроль.

Впрочем, поцелуй был тоже хорош – шеф вгрызся в нее, как голодающий в кусок хлеба с маслом.

Он и был голодающим. Что могла дать ему клуша-жена – рисуночки, кофе в постель, поцелуйчик перед работой, пресный и быстрый секс?

Он истосковался по настоящей женщине – той, которая умеет дразнить и держать в тонусе. От которой сносит крышу.

Он истосковался по настоящей страсти, потому что, имея четырех «прелестей», вынужден был думать только о том, как их достойно содержать – кормить, одевать, обучать, развлекать...

Оксана открыла глаза, посмотрела на убогую обстановку. Еще немного терпения, выдержки, здравого расчета и... она будет первой на пути к заветной вершине.

Жаль, что похвастаться пока никому нельзя. Впрочем... кое-что она все-таки может сказать. Без подробностей. Просто чтобы облегчить душу и не взорваться от распиравших эмоций.

Оксана схватила телефон и набрала Ленку.

– Да... – томно ответила подруга на фоне льющейся воды.

Наверное, она в ванной...

– Ленка! Это я! Привет! – не сдержавшись, радостно прокричала Оксана.

– Что с твоим голосом? – поинтересовалась Ленка.

– Голос? Нормальный у меня голос.

– Слишком веселый.

– А тебе какой бы хотелось услышать?

– Такой и хотелось. Рассказывай, что случилось. В прошлый раз ты мрачнее тучи была.

– Скажите пожалуйста, какие мы проницательные, – удовлетворенно хмыкнула Оксана. – Ничего у меня не случилось!

Приятно было тянуть кота за хвост, осознавая, что Ленка почувствовала феерические перемены в ее жизни.

– Врешь! – Лена выключила воду и приготовилась внимательно слушать.

– Ну, хорошо, вру, случилось!

– Ну?! – кажется, она даже ногой притопнула от нетерпения.

– Не скажу. Рано еще! – Оксана звонко рассмеялась, представив, как разочарованно скуксилась подруга.

– Я ж не глазливая, – обиженно протянула она.

– Может, и не глазливая, а вдруг? – Оксана снова рассмеялась, но тут же серьезно добавила, не удержалась: – Зацепила одного стоящего мужика, вот что! Но пока только зацепила... На самый кончик крючочка, понимаешь? Сорваться может.

– Да когда у тебя кто срывался? – хохотнула Ленка и снова включила воду.

– Ты мне льстишь, как всегда, – усмехнулась Оксана. – Только тут есть некоторые отягчающие обстоятельства...

– Женат, что ли?

– Угадала.

– Ты такие препятствия без разбега брала!

– Да, только у Жан-Поля не было детей, а здесь... четверо.

Ленка озадаченно присвистнула.

– Вот именно, – вздохнула Оксана, но тут же бодро добавила: – Но мы не ищем легких путей! Ладно, Ленк, мне на работу пора. В бой! Закреплять достигнутые успехи...

– Подожди, Ксюх, а...

– Все, Ленк, больше ничего не скажу, и так лишнего наболтала. Целую! Пока!

Оксана нажала отбой и подошла к стойке с плечиками – шкафа в этой халупе не было.

Что бы надеть для «закрепления успеха»?

Причем так, чтобы «объект» не заметил, что она этот успех закрепляет?

Она выбрала шелковый оранжевый комбинезон с открытой спиной, но, подумав, заменила его на длинную льняную юбку цвета слоновой кости и черный кружевной топ. Получился образ соблазнительной пайны, которая пайнкой только прикидывается... А у самой черти в глазах! Дразнят, словно языки пламени, дотронешься – обожжешься, но не дотронуться невозможно...

Косметики – минимум.

Нужно показать, что произошедшим она обескуражена и выбита из седла – муж подруги все-таки!

Но произошедшее – сильнее ее, поэтому – оранжевый блеск для губ, достаточно яркий, чтобы не выглядеть совсем уж монашенкой, но и довольно прозрачный, чтобы не наводил на мысль, что она старательно привлекает к себе внимание.

Оставшись довольна собой, Оксана взяла сумку и вышла из комнаты.

Словно из-под земли перед ней вырос Бончай.

– Неделя прошла, платить надо, – заученно произнес он.

– Хоть бы что-нибудь новенькое сказал, черт косоглазый, – по-русски произнесла Оксана и, доставая деньги из кошелька, на тайском добавила: – Совесть надо иметь, столько драть за такую помойку!

– Можете съехать, если не нравится, – широко улыбнулся Бончай, обнажив ряд крупных желтых зубов.

– Без твоих советов обойдусь, – огрызнулась Оксана и побежала к машине.

Настроение не испортилось, несмотря на то что кошелек существенно похудел.

Ольга на цыпочках вышла из спальни, тихонько прикрыв за собой дверь.

Семь утра – время, когда жара еще не вступила в свои права, и можно заняться чем-то, на что днем нет ни сил, ни желания, например разобрать наконец покупки, которые они сделали с Оксаной неделю назад, разложить все по полочкам и по шкатулкам.

Да и вообще, привычку рано вставать она искоренить не смогла.

Утро, самое хлопотливое время в Москве, когда вокруг все шло кувырком – дети собирались в школу, а Сергей на работу, Петька требовал внимания, и вечно все всё теряли, роняли, путали, кричали, да еще хотели позавтракать, причем каждый чем-то своим, любимым, и надо было всех собрать, накормить, отправить в школу и на работу...

Здесь, в Таиланде, утро вдруг превратилось в полнейший штиль.

И Ольга маялась, по привычке находя и придумывая дела, которые можно было бы и не делать. Или делать, но руками многочисленных слуг...

На кухне, озадаченно оглядываясь, стояла Надежда.

– Та-ак! – протянула она. – Хочу завтрак сварганить. Яйца есть?

– Даже не думай! – зашептала Ольга. – И не мечтай! Тут это не принято. – Она дернула Надю за руку и глазами показала на дверь, где в растерянности столпилось трое слуг – повар, помощник повара и еще один, Ольга называла его «официантом», он сервировал стол и подавал блюда. Или он только сервировал, а подавал другой?..

– Да приди ты в себя, Надюха! Пошли отсюда. Пошли, пошли... – Ольга за руку потянула ее к выходу.

– Елки... Народищу-то нагнали! И все на одну яичницу?

Они вышли в холл, оттуда на террасу, где уже оказался накрыт стол – тосты, фрукты, булочки, соки, салаты и еще что-то, чему Ольга не знала названия, какие-то местные соусы и джемы.

– Не, ну это что? – Надя возмущенно оглядела стол. – Они нам креветками с вареньем завтракать предлагают? Я не понимаю, ты что, яичницу себе приготовить не имеешь права?

Ольга отрицательно помотала головой и чинно уселась за стол.

– Ничего себе! Ой, я ж не одета! Как креветки-то есть? Счас...

Надя умчалась и вернулась минут через пять в длинном красном сарафане и широкополой соломенной шляпе.

– Вот, теперь можно. – Она села за стол и тут же уставилась пронизывающим взглядом на щуплого слугу с подносом, который принес кофе и хлопотал вокруг них, расставляя чашки.

– Только умоляю, не вздумай учить его носить поднос, – улыбнувшись, тихо посоветовала Ольга.

– Вот еще!

– Я же вижу, как ты на него смотришь.

– Это как же? Как же я на него смотрю?!

– Плотно.

– Больно нужно! – Надя прожгла тайца каким-то особенным взглядом, и тот поспешил уйти. – Хотя, между прочим, могла бы и этому поучить...

Они стали пить крепкий кофе из крохотных чашек, маленькими глоточками, весело поглядывая друг на друга.

– Тебе бы школу домоводства возглавить! – поделилась Ольга осенившей ее идеей. – Или нет! Ты должна открыть собственное агентство по найму домашних работниц, а? Идея? – Она расхохоталась, представив Надю начальницей, дающей прикурить паре десятков своих сотрудниц, возмнивших, что они умеют гладить, стирать, готовить, мыть полы и посуду.

Надя задумалась, посмотрела в чашку и... перевернула ее вверх дном на блюде.

– А что, зря смеешься, неплохая идея-то. Вот возьму и открою! Людям же всегда нужно, чтобы кто-то им окна помыл или полы... Нет, ей-богу! Возьму и открою! А то дома сидеть прям мочи нет...

Она подняла чашку и стала разглядывать причудливые кофейные узоры, образовавшиеся на стенках.

– Вот! Даже на кофейной гуще агентство выходит, как ни крути!

Они засмеялись, одновременно потянувшись к румяным булкам.

– Доброе утро!

На террасу вышел Сергей, а за ним, словно тень, слуга, чтобы отодвинуть-придвинуть стул, подать кофе, салфетку и упредить любое желание хозяина. Барышев сел за стол и раздраженным жестом попросил слугу уйти.

Ольга с беспокойством всмотрелась в его лицо – бледные щеки, темные круги под глазами, бегающий взгляд.

Не поцеловал, даже не посмотрел...

Взял чашку и, глядя в стол, на белую скатерть, начал пить маленькими глотками, хотя обычно кофе выпивал залпом.

– Сереж, ты почему ничего не ешь? – спросила Ольга.

– Не хочется.

И опять – не посмотрел, даже не поднял глаз.

– Вот-вот, – вмешалась Надежда. – Димочка тоже с утра не ест. Кофе, и все. Я ему говорю – кушать надо с утра, а он ни в какую. Кстати, Сереж, мы с тобой так по-человечески и не поздоровались!

– Очень рад, что ты приехала, Надь. – Он скользнул по ней взглядом и опять уставился в скатерть. – Я разве тебе этого вчера не говорил?

– А ты еще раз скажи! Не развалишься!

Сергей допил кофе, так ни разу и не взглянув на Ольгу.

– Сережа, ты что, заболел? – забеспокоилась она.

– Нет, с чего ты взяла?

И опять – не посмотрел в глаза и, словно опасаясь развития темы о своем нездоровье, переключился на Надежду с каким-то неестественным интересом.

– Ну, как тебе тут? Как Паттайя?

– Так я ж еще ничего не видела! С самолета – сюда, потом прием этот... В окне машины чего-то мелькало... Вроде ничего себе! Красиво.

Сергей не слушал – Ольга видела это по его лицу. Она встала, подошла к нему, пощупала лоб. Он отстранился.

– Оль, ну что ты...

– Нет, у тебя вид какой-то... Ты точно хорошо себя чувствуешь? По-моему, температура. Вон, испарина...

– Тебе кажется. – Барышев резко встал, поцеловал ее в щеку – отстраненно, казенно, для проформы, не так, как целовал всегда, даже когда был бешено занят и все мысли поглощала работа.

– Сереж... – Она взяла его за руку, но он ее мягко освободил и сунул в карман.

– Я абсолютно здоров! Ну, я поехал, опаздываю. Пока, до вечера! – Сергей махнул рукой Наде и стремительно вышел.

– Что с ним такое? – растерянно пробормотала Ольга. – Непонятно.

– Ну, может, живот прихватило или еще что... – пожала плечами Надя. – Климат тут у вас для русского человека бесполезный.

Она встала, поправила шляпу и с томным видом направилась по дорожке в сад. Ольга пошла за ней.

Нет, все, она поставит Сергею условие: или день полного отдыха, или...

Что «или», Ольга никак не могла придумать. Не было никакой карательной меры, которую она могла бы применить к Барышеву.

Может, пожаловаться Петру Петровичу? Кажется, Стрельников имеет влияние на Сергея и мог заставить его не только в сто первый раз перепроверить расчеты, но и настоять на коротком отдыхе.

...Ни Ольга, ни Надя не видели, как служанка, убирая со стола посуду, замерла над чашкой с кофейной гущей. Она долго рассматривала замысловатый узор, потом схватила чашку и сунула ее в общую кучу грязной посуды на подносе.

– Bad, very bad, – пробормотала она, уходя с террасы. – Death sign!¹

Оксана увидела, как Барышев выходит из «Мерседеса» и стремительно направляется к офису.

Он был погружен в себя, по сторонам не смотрел и поэтому ее не заметил.

Оксана хотела ему посигналить, но такая демонстрация отношений с шефом была бы преждевременной. Хотя стоит, наверное, рискнуть.

Интересно, что бы он сделал? Сухо кивнул? Помахал рукой? Или вообще не в его правилах реагировать на автомобильные гудки? Так и подмывало проверить, но Оксана решила – рано. Всего один поцелуй... Рыбка еще непрочно сидит на крючке, того и гляди сорвется в силу своей добропорядочности и хорошего воспитания. Рыбку еще подсекать и подсекать, поэтому неосторожные движения ни к чему.

Как назло, привычное место на парковке оказалось занято. Они все были заняты, места на парковке, а Барышев уже подходил к двери, еще пара секунд, и он скроется из вида, так и не заметив ее эффектного выхода из машины, летящей походки, обворожительной полуулыбки и прочих «подсекающих» ухищрений.

Недолго думая, Оксана бросила кабриолет поперек парковки, перекрыв выезд сразу несколькими машинам, и почти бегом стала догонять Барышева.

Наверное, это было глупостью – мчаться за шефом на глазах у его водителя, – но так хотелось закрепить успех первого поцелуя, увидеть в его глазах, нет, не страсть, не влюбленность, но хотя бы смятение загнанного в угол самца, который не в силах справиться со своими инстинктами.

Оксана знала, как бить и куда. Конечно, не было уверенности в стопроцентном успехе – она не дура, чтобы думать, что будто мужики одинаковые, но разведка боем прошла успешно, а значит, есть вероятность полной победы.

Триумфальной и феерической.

Неужели вы не заметили, Сергей Леонидович, что у вас нет другого выхода, кроме как связать свою жизнь со мной?

Дети? Прискорбное обстоятельство, но сами решайте – убивать свою жизнь на их приращение и воспитание или...

Жена? Как говорится, не стенка.

Сдавайтесь, или я иссушу вас, как зной плодородную землю, выпью кровь, вытру ноги, перешагну и пойду, а вы погибнете, и не спасут вас ни дети, ни старорежимная женушка...

Она почти нагнала Сергея у лифта, но дорогу ей вдруг преградили два тайца. Оксана в сердцах чуть не отпихнула их, но в последний момент, поняв, что это сотрудники «Стройкома», остановилась и натянула на лицо улыбку.

– Могу быть чем-то полезна?

Нажав кнопку вызова лифта, Барышев замер в ожидании кабины.

¹ Плохо, очень плохо. Знак смерти! (англ.)

Обернись! У тебя спина должна гореть от моего взгляда.

– Вы не могли бы в пять часов помочь нам провести совещание? – пролопотал таец.

– Да, конечно, – не глядя на него, сказала Оксана.

Не обернулся. Открыл свою черную папку и уставился в бумаги.

– Тогда я попросил бы вас кое-что подготовить, – залопотал второй. – Нужно, чтобы перед каждым участником совещания лежало на столе, ну... такое краткое содержание темы совещания.

– Хорошо.

Барышев захлопнул папку. Огонек на панели лифта, обозначающий этажи, приближался к первому.

Оксана рванулась к лифту, но таец мягко придержал ее за руку.

– Если вас не затруднит, зайдите в секретариат и возьмите тексты для перевода, а потом...

Огонек остановился, двери раскрылись, Барышев шагнул в лифт.

– Да чтоб ты пропал, скотина! – с улыбкой прошипела Оксана тайцу по-русски.

– Что? – не понял он.

– Что? – повторил второй.

– Обязательно! Я все поняла! – Оксана все же легонько толкнула их и подскочила к лифту.

Двери захлопнулись у нее перед носом. Последнее, что она увидела, – холодный высокомерный взгляд Барышева.

Он смотрел на нее так, словно первый раз видел. И даже не подумал остановить лифт...

Чтобы привести мысли в порядок и успокоиться, Оксана пошла на десятый этаж пешком.

Где она допустила ошибку?

Может, в ответ на его поцелуй стоило залепить пощечину? Мол, я порядочная девушка, вы женаты, и все такое... Это был бы куда более прочный крючок, чем ее умелые, порочные объятия.

Сегодня Барышев выглядел бы виноватым, побитым, заискивающим. Он попытался бы объяснить свой безумный поступок, а объяснить его можно только так – влюбился, голову потерял, простите...

Вот с этой отправной точки было бы легче стартовать. А теперь...

Оксана остановилась возле двери генерального.

Ну, ничего, прорвемся. Она знает, что делать.

– Я доложу, – подскочил секретарь.

– Не надо!

Оксана рывком распахнула дверь.

Барышев сидел за столом с каменным лицом. Его выражение не изменилось, когда он увидел Оксану. Но это ее не смутило – она зашла в кабинет, плотно закрыла за собой дверь и, спиной привалившись к ней, со счастливой улыбкой сказала:

– Я думала о тебе всю ночь!

Он должен был хотя бы смутиться. Или испугаться, что секретарь услышит. Или выпалить «Вы уволены»! Это означало бы – она его зацепила, и сопротивляться он может только таким способом.

Но, не оправдав ожиданий, шеф, словно не услышал ее судьбоносных слов и абсолютно индифферентным тоном сказал:

– Очень хорошо, что вы зашли. Сегодня прилетает несколько человек из «Стройкома». Вы не могли бы поехать в аэропорт их встретить?

– Разумеется, Сергей Леонидович...

Вот это пощечина. Оплеуха... Нет, удар в солнечное сплетение, стало трудно дышать, а на глаза навернулись слезы.

Да за кого он ее принимает? За дешевку, которую можно потискать в свое удовольствие в уголке, а потом дать понять, что она просто шлюха?

Скотина. Сытая, бездушная скотина. Нужно ударить его, вмазать изо всех сил, и не пощечину дать, а кулаком в лицо, чтобы с этой самодовольной рожи стерлись высокомерие и презрительный холод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.